

Надежда Первухина

Признак высшего ведьмовства

Первое: мир тесен. Второе:
миру, как всегда, угрожает опасность.
Третье: нет случайных встреч

Имя для ведьмы

Надежда Первухина

Признак высшего ведьмовства

«Первухина Надежда»

2005

Первухина Н. В.

Признак высшего ведьмовства / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда», 2005 — (Имя для ведьмы)

Аксиома первая: мир тесен. И потому в этом слишком маленьком мире суждено встретиться Госпоже всех Ведьм Дарье Белинской и гордой фламенге Фриде, властительнице неведомого пламени. Аксиома вторая: миру, как всегда, угрожает опасность. Таинственный убийца с известной ему одному целью охотится по всей Европе за девочками-близнецами, наделенными сверхъестественными способностями. И в арсенале убийцы – запрещенная к использованию магия. Аксиома третья: нет случайных встреч. Дарья Белинская и фламенга Фрида встретились не зря. Ибо им предстоит выследить и остановить убийцу, и на помощь может прийти только Высшее Ведьмовство. И тогда у мира будет шанс остаться в относительном покое...

© Первухина Н. В., 2005

© Первухина Надежда, 2005

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	34
Глава четвертая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Надежда Первухина

Признак высшего ведьмовства

*Посвящается Татьяне Левановой, потому что идея этой книги
возникла только благодаря ее высшему ведьмовству*

Глава первая FRONTISNULLA FIDES¹

– И последний вопрос, мадам Белински...

– Мадемуазель!

– Миль экскюзе! И последний вопрос, мадемуазель Белински: что бы вы сделали, получив гранд поссиблитэ, мм, великую возможность... о, нон! Всесильное могущество Главной Ведьмы?

– Гипотетически?

– Кес кю се?... О, уй!

– Хм... Я бы избавилась от критических дней. Без скидок на возраст. И без вреда здоровью, разумеется... Понимаете, мне так надоели эти противные крылышки...

Лицо благообразного мужичка – корреспондента французского еженедельника «Ле оккюльтист» – залило румянцем. Он стиснул в холеных пальчиках диктофон, икнул, изобразил поклон и мгновенно растаял в толпе остальных журналистов. А красивая и по виду крайне язвительная девушка, повергшая его своим ответом в состояние неврастенического возбуждения, ехидно ухмыльнулась:

– Сейшен закончен, дамы и господа! Всем спасибо. И, не дожидаясь, пока публика покинет этот роскошный беломраморный зал, девушка, подобрав длинный шлейф своего вечернего платья, изящно вышла. Сквозь закрытую дверь.

Комната, куда она вошла, была куда скромнее мраморного зала. Скромнее и строже. Это скорее был рабочий кабинет – светло-серые стены, жалюзи на окнах, офисный стол, облицованный шпоном из натурального дуба, жесткие кресла, компьютер и застекленный шкаф с книгами. За компьютером сидела дама, не имеющая возраста. Ее лицо было бесстрастно, но по тому, как при появлении девушки изогнулась правая бровь дамы, чувствовалось, что девушке сейчас будет учинен разнос. Или по меньшей мере объявлен выговор.

И он не замедлил быть.

– Дарья, ведьме вашего статуса не пристали такие... девчоночьи выходки, – сухо сказала дама.

– Вы о чем? – весело изумилась девушка по имени Дарья. – Что я прошла не в дверь, а сквозь нее? Подумаешь!..

– Нет, я не об этом. Вы совершенно фраппировали корреспондента из Франции своей шуточкой насчет, кх-м, критических дней. И уже завтра парижский журнал «Ле оккюльтист» напишет о том, как плохо воспитана нынешняя Госпожа Ведьм.

Девушка вскинула изящные бровки:

– Вы считаете меня вульгарной, Хелия?

– Помилуйте, Дарья, конечно нет. – Голос Хелии был профессионально беспристрастен. Такими голосами обладают, вероятно, только секретари и прокуроры, а Хелия как раз относилась к первой из этих божественных каст. – Я давно исполняю эти обязанности и могу с полным основанием заявить, что мне приходилось наблюдать в роли Госпожи Ведьм дам гораздо...

– Вульгарнее? Наглее? Бестактнее?

– Дарья, если вы заметили, в своей речи я не употребила ни одного из этих определений. И вам настоятельно рекомендую делать так же. Что же касается этой выходки с корреспондентом... Полагаю, ваша мать была бы недовольна.

---

¹ Внешность обманчива (лат.).

Девушка заметно помрачнела. Казалось, даже блески на ее платье мгновенно утратили свой озорной блеск.

– Да, я плохо соотношусь с маминым светлым обликом, – сказала она, глядя в сторону и стараясь не допускать в голос предательской надтреснутости – признака близких слез.

– Дарья... Зачем вы так... – осторожно произнесла Хелия. – Я вовсе не хотела упрекать. Просто должность Госпожи...

– Я на эту должность не напрашивалась! Сами предложили!

– Верно. Но это не освобождает вас от ответственности за каждый ваш шаг. За каждое слово. И даже за каждый вздох. Вы не только находитесь на высоком посту, вы... Можно сказать, что вы изменили мир.

– Я понимаю, – шмыгнула носом особа, занимающая высокий пост. – Основным условием моего согласия на должность Госпожи был самороспуск Трибунала Семи Великих Матерей Ведьм. И этим не все довольны.

– Более того, – поддержала Дарью сухая дама. – В Общей Ведьмовской Сети с некоторых пор возникают настроения, – последнее слово она выделила. Будто курсивом.

– А именно?

– Отдельные представительницы Ремесла выражают недовольство тем, что пост Госпожи заняли именно вы – без голосования, без предварительного отбора, без благословения Бафо...

– Если вы еще раз при мне помянете эту тварь, – ровным голосом сказала Дарья, – я уволю вас без выходного пособия.

– Извините. Так вот, есть основания предполагать, что в недрах Сети формируется блок оппозиции. Ваши прямые противники, Дарья. И потому вам следует быть предельно осмотрительной во всем, включая интервью. Тем более интервью.

– Я учту это, Хелия. – Девушка Дарья прикусила губу. – Благодарю за информацию и совет. Каков на завтра распорядок моих дел?

– В девять тридцать утра встреча с председателем движения «Ведьмы за культуру и духовность». В десять утра – просмотр текущих документов, в два пополудни прием делегации вудуисток Анголы...

– Фи! – поморщилась девушка. – Опять тамтамы, костяные бусы и служебные зомби, от которых омерзительно пахнет!

– В шесть вечера – изучение...

– Какое изучение? – удивилась Дарья.

– Артефактов, нагруженных информацией о жизни и деятельности ваших предполагаемых женихов. На данный момент имеется, – Хелия сверилась с компьютером, – шесть кандидатов.

– Женихов? – изумилась Дарья. – Я не припоминаю, чтобы в моей должностной инструкции был параграф, касающийся обязательного замужества.

– Тем не менее. – Хелия была непреклонна. – Видите ли, Дарья, традиционно органом управления всеми ведьмами являлся Трибунал. Однако он был не всегда. До Трибунала эти функции исполняли Госпожа Ведьм и ее Герцог.

– Герцог?! Святая Вальпурга, я попала в старый фильм «Как стать принцессой»! Только этого мне не хватало!

– Увы, это не фильм. С введением Трибунала должность Герцога Ведьмы была упразднена, но теперь, когда Трибунала больше не существует...

– Вы решили заполнить появившуюся вакансию, – обреченно вздохнула Дарья. – Но объясните мне ради святой Вальпурги, Хелия, нам что, действительно так нужен этот Герцог?! Выдавать меня замуж – это обязательно?

– Если вы хотите заткнуть рты всей оппозиции, да. Кроме того, вы уже совершеннолетняя, Дарья. Замужество лишь упрочит ваше положение. Никто не посмеет больше заявлять, что трон Госпожи Ведьм занимает девчонка без царя в голове.

– Спасибо, Хелия, вы умеете утешить. Еще что-то планируется на завтра?

– Да, – кивнула Хелия. – В восемь вечера вам необходимо утвердить рабочий вариант вашего личного герба.

– Час от часу не легче! – всплеснула руками Дарья. – Зачем мне сдался личный герб? Я что, рыцарь? И, насколько я помню, герб даруется вместе с дворянским титулом. А я, как ни крути, плебейка. Хотя... Если мой дедушка – Баронет...

– Издревле все ведьмы, исполнявшие обязанности Госпожи, получали титул. Но, так как сословное ведьмовство было упразднено с введением Трибунала, об этом позабыли. Теперь же, когда Трибунала нет...

– Вы заново решили ввести сословия? Я уже начинаю жалеть, что так опрометчиво распустила этих милых старушек, именованных Матерями Ведьмами. Погодите... Это что же, мне дворянство пожалуют?

– Именно, – наклонила голову Хелия.

– Кто?! Для этого нужна августейшая особа. А ведьмы, насколько я помню, не жалуют монархию ни в каком виде.

– Видите ли, Дарья, у сторонниц Ремесла несколько иное представление о сословиях, знати и настоящей монархии. Так что вам, дабы стать, к примеру, герцогиней, не нужно специального рескрипта короля или королевы. Тем более что вы правы – монархии у ведьм нет.

– Мило. Что ж, герб так герб. Но это так глупо! – Дарья поднялась с кресла. Платье зашуршало и блеснуло, как россыпь драгоценностей на черном бархате. – Я пойду спать. Завтра тяжелый день. Герцог Ведьмы! Надо же такое придумать!

Дарья двинулась к двери, но тут вопрос Хелии остановил ее.

– Я хотела вас спросить, Дарья, – неожиданно мягко произнесла секретарша. – О них... Никаких вестей?

Глаза девушки затуманились. Она покачала головой:

– Никаких, Хелия.

– Я не оставляю надежды...

– Я тоже. Вот уже три года, как я не оставляю надежды. А она не оставляет меня. Хотя, возможно, это – очередное безрассудство девушки без царя в голове. Благословенны будьте, Хелия.

На этот раз Дарья воспользовалась дверью совершенно по-человечески. Хелия посмотрела вслед своей госпоже.

– И вы тоже благословенны будьте, дитя мое, – прошептала она.

Госпожа Ведьм Дарья Белинская по крытой стеклянной галерее покинула официальную часть Дворца Ремесла. Дворец Ремесла почти досконально копировал архитектуру знаменитого средневекового дворца Алькасар, но был также и модернизирован в угоду современной строительной моде. При чем здесь Алькасар, спросите вы? Да при том, что Дворец Ведьмовского Ремесла вот уже несколько десятилетий подряд располагался в Толедо – городе с древней и очень дурной колдовской репутацией. Давным-давно в Толедо заседал известный своей жутью Совет черной магии, практиковавший некромантию и человеческие жертвоприношения демонам древнего колдовства. Кстати, лучше всего о репутации Толедо говорится в не слишком шуточных виршах сеньора Рэма Тедена, действительного статус-квотера Лондонского отделения Ложи Магистриан-магов, без пяти минут Верховного магистра:

В древнем городе Толедо,
Что стоит на речке Тахо,

Славно делают кинжалы
Из отменной крепкой стали.
Также ткут шелка в Толедо,
Глину тратят на кувшины
Да на кубки и тарелки,
Что туристам по карману.
Но Толедо древний славен
Не твердыней Алькасара,
Не соборами Кастильи
И не старым акведуком.
Испокон веков сей город
Был оплотом чародейства.
К чернокнижью страстью тайной
Он отравлен навсегда.
Издавна во граде этом
Обучали колдовскому:
Некромантии, ас нею
Прочим изыскам гаданий.
Ведьм в Толедо было больше,
Чем мостов над речкой Тахо.
И хотя Святая Церковь
Их сжигала без устатка
(Ведьм, а не мосты, конечно),
Все ж Толедо не лишился
Репутации ведьмачьей.
Оттого и колдовство в нем
Процветает до сих пор!

... Сеньор Рэм Теден вообще стяжал себе славу умелого рифмоплета, но речь о нем пойдет позже. Всему свое время.

Итак, Госпожа Ведьм Дарья Белинская направилась в свои покои. За стенами Дворца Ремесла томно дышала весенняя ночь, напоенная ароматами Новой Кастильи, но девушка была куда более утомленной, чем выглядела, и ей было не до ночи и ее томных ароматов. Покои Госпожи Ведьм представляли из себя эклектичную смесь средневековой изысканности и скудоумия современного пентхауза. Дарья считала, что выглядит это ужасно – как карамель чупа-чупс в фантике из драгоценного китайского шелка, но ее секретарша Хелия настояла, чтобы девушка жила в этом воплощенном дизайнерском кошмаре, дабы кричащая и даже вопиющая роскошь обстановки соответствовала занимаемому девушкой служебному положению.

Дарья остановилась на пороге своих покоев, заклятием отперла дверь, прошла внутрь огромной, полуосвященной комнаты и сбросила с ног туфли на высоких острых каблучках-шпильках. С видимым наслаждением прошлепала босыми ногами по толстому ковру – прямоиком к расплывавшемуся от самодовольства бархатному дивану, предвкушая, как рухнет сейчас в его податливые успокоительные объятия... Зазвонил телефон.

– Смолкни, – велела ему девушка, и аппарат подавился звонком, стих, будто его под подушку сунули. – Я устала. Оставьте меня в покое!

Однако телефон сделал свое черное дело – падать в объятия дивана Дарье расхотелось. В девушке снова на мгновение взбурлила та злая и веселая энергия, под напором которой она сводила с ума всех на сегодняшнем званом вечере. Всех, включая корреспондента французского оккультного журнала...

Мгновение прошло, и Дарья снова почувствовала себя усталой и скучной, как надпись на коробке с диетическими хлебцами. Девушка вяло потянула свое шикарное платье за бретельки и сбросила его, оставшись практически нагой. Тут обнаружилось, что у девушки имеется хвост – длинный, сантиметров восьмидесяти, гладкий и розовый, как у крысы. На конце хвоста крепился маленький золотой полумесяц. Дарья вольно помахала хвостом туда-сюда, отчего золотой полумесяц засверкал, как падающая звезда.

– Бедный мой хвостик! – грустно сказала Дарья. – Скоро ты наверняка отвалишься, если я буду и дальше носить такие неудобные наряды. Ладно. Я устала, мне все надоело, а потому... Принять душ, ответить на письма – и спать, спать, спать!

Под струями душа девушка долго не нежилась. Она вот уже три года занимала должность Госпожи Ведьм – должность, у которой всегда в наличии богатый ассортимент врагов. Дарья приучила себя мало и чутко спать, не расслабляться, пищу проверять не только на возможность заклятий, но и на простые яды.

Как Госпоже Ведьм, ей полагались телохранители, но Дарья предпочитала не их, а уроки владения холодным оружием. Не только шпагой, рапирой, мечом, но и стилетом и дагой – кинжалом для левой руки... У Дарьи, кстати, была отличная коллекция стилетов, и об этой коллекции не осведомлен был только ленивый, хотя еще ни разу госпоже Дарье Белинской не пришлось использовать свое оружие в настоящей схватке... Но, став Госпожой Ведьм, она твердо усвоила правило: когда ты слаб, ты уязвим, и не позволяла себе ни малейшей слабости. Что же касается ее сегодняшней выходки с журналистом, то эта выходка была тщательно продумана, ибо госпожа Дарья Белинская точно знала, что популярность можно завоевать не только благотворительностью и правильным поведением. Скандалы нравятся публике больше, чем скучные жизнеописания праведников.

– Похоже, я становлюсь настоящей интриганкой, – сказала девушка самой себе, выходя из душа. Она бережно расчесала свои роскошные волосы, протерла тело лосьоном собственной рецептуры и нанесла на хвост питательную маску из взбитых сливок и пропаренных овсяных хлопьев. В последнее время хвост сильно шелушился – видимо, сказывался весенний недостаток витаминов.

Тщательно укутав хвост в бумажное полотенце, Дарья набросила халатик и присела к столу. На столе громоздился солидных размеров шар, укрытый лиловым бархатным покрывалом. Шар был магическим кристаллом последнего поколения – с выделенной линией, высоким графическим разрешением, голосовым интерфейсом и антивирусной защитой. Такой кристалл стоил целое состояние и представлял собой штучную работу. Бережливая Хелия настоятельно советовала Дарье для нужд, не связанных напрямую с магией, пользоваться не этим кристаллом Общей Ведьмовской Сети, а обычным компьютером, но девушка игнорировала этот совет. Компьютером она пользовалась, лишь когда хотела почувствовать себя до конца человеком, а сейчас случай был не тот.

Дарья сдернула с кристалла покрывало, голосом активировала его (кристалл, разумеется, а не покрывало!). Шар загудел, осветился изнутри туманно-сиреневым светом. В его глубине быстро замелькали нечитаемые темные символы.

– Приветствую вас, госпожа, – неживым голосом проскрипел кристалл. – Благословенны будьте.

– И тебе не зависать, – ответила Дарья. – Почту проверить.

– Пожалуйста, подождите, идет соединение с сервер-кристаллом Общей Ведьмовской Сети...

– Что-то ты тормозить стал. Апгрейдиться не пора?

– Нецелесообразно. Вот сетевые руны обновить бы...

– Погоди. Леню мне заниматься сетевыми рунами.

– А если зависну?

– Выкину к святой Вальпурге.

– Пожалуйста, подождите... Музыку будете слушать?

– Да, пожалуй. Что-нибудь задумчивое, старое и родное. Давай «Белую гвардию». Меня потянуло на ностальгию.

– Выполняю.

Негромко зазвучала гитара, и полудетский-полуженский голос запечалился о том, что «растаяла жизнь, как маленькая снежинка». Дарья отрешенно вздохнула. Лирика, романтика были сейчас ей противопоказаны так же, как снотворное стоящему на посту пограничнику. Так, во всяком случае, думала сама Дарья с тех пор, как полностью осознала свое теперешнее положение и все связанные с этим положением неприятности. Госпожа Ведъм – должность, предписывающая отказаться от очень многих слабостей. Как бы эти слабости ни были дороги... И потом, взросление – это и есть процесс отказа от слабостей, а Дарья Белинская раньше времени стала взрослой.

– Почта, – встрял в мелодию голос кристалла. Кристалл выпустил из своих недр луч. Неподалеку от лица Дарьи луч превратился в светящийся экран. По нему поползли заголовки, строчки и трехмерные картинки.

– Ты почему опять рекламные рассылки не отфильтровал? – недовольно спросила у кристалла Дарья. – На кой инкуб мне реклама наборов магической посуды, а? «Купите пять ступок для растирания волшебных порошков, и в подарок получите дополнительный пестик с функцией вибромассажа!» Чушь какая! Или вот: «Всего за пятьсот долларов приобретите художественно оформленный календарь праздничных дней ада»? Какой в нем смысл?! Я что, эти праздники отмечаю?!

– Извините, программа фильтрации получила сведения об ошибке. Вы можете отправить отчет...

– Заткнись. Отчет не отправлять. Давай нормальные письма.

– Выполнено.

Перед Дарьей возникло увеличенное изображение миловидного девичьего лица. Причем стороннему наблюдателю, буде он оказался бы сейчас в комнате Главной Ведьмы, было бы видно, что Дарья и девушка из письма похожи как две капли воды.

– Машка! – обрадовалась Дарья. – Привет, старушенция!

– Привет, сестричка! – заговорило личико. Оно улыбалось, но чувствовалось, что фразы оно произносит без особых эмоций, словно считывает какую-то запись. – Ты долго не писала. Как у тебя дела? Я сдали вступительные экзамены в универ и теперь буду учиться на психолога...

– Пф! – презрительно фыркнула Дарья.

– Дашка, я знаю, что ты недовольна моим выбором. Потому что это выбор обычного человека. Ну кому-то из нас нужно быть обычной, верно? Ты в шестнадцать лет стала Главной Ведьмой и уехала из России, а я просто закончила школу и просто поступила в университет. Потому что, в отличие от тебя, я хочу иметь образование, а не звание. Нет, я восхищаюсь тем, что ты самая великая ведьма, но... У тебя там есть возможность встречаться с симпатичным парнем? Поехать в выходной день на шашлыки? Потанцевать в клубе? И вообще... Ладно, извини. Лучше передам тебе свежие новости. Тетя Инари отправилась с сыном и дочкой (ты же помнишь, у нее родилась дочка; ее зовут Нацуко) в Японию, на родину своих драконов-предков. По-моему, жизнь с мужем у них не ладится, хотя тетя Инари в этом не сознается, она очень скрытная и не любит жаловаться, как все японки. Сото приезжал ко мне на Рождество и снова предлагал выйти за него и уехать в Африку, но ты же знаешь, для меня прежде всего важны образование и карьера. А в Африку я всегда успею. Твой Ираклий Чавчавадзе (помнишь, был у тебя такой поклонник с ярко выраженным восточным акцентом?) получил премию «Оскар»

за лучшую мужскую роль в фильме «Кутаисский парфюмер». Представляешь? И хоть бы пригласил на церемонию вручения!..

А еще меня замучили издатели. Ну, из-за папиных книг. Ведь папа исчез, и неизвестно, что будет с авторскими правами, а объявлять нас с тобой законными наследницами еще нельзя, потому что нет свидетельства сама знаешь чего. И пусть его не будет, этого свидетельства! Я не верю, что случилось страшное! Дашка, вот ты ведьма, неужели у тебя нет никаких волшебных способов узнать, что случилось с нашими родителями и Яськой? Да, я помню, ты писала, да и в газетах об этом было, что в Тихом океане нашли дрейфующий парусник без команды. Но я не верю, что это тот самый парусник... И потом, ты же знаешь нашу маму – она просто так не может пропасть без вести. Извини, не буду больше об этом. Я знаю, что все разговоры на эту тему сильно тебя расстраивают.

Я вот что хотела узнать: раз ты стала Госпожой Ведьм, тебе уже не нужно учиться? Не ведьмовству, а человеческим знаниям: экономике там или философии, допустим? Высшей математике, основам безопасности жизнедеятельности? У тебя есть репетиторы? Или ты ходишь в вечернюю школу? Должно же у тебя быть свидетельство о среднем образовании! И высшее тоже надо получать. Ведьма без диплома – это не ведьма, я так считаю.

Кстати, я на первом курсе собираюсь писать курсовую по теме «Психологические аспекты интереса субъекта к сверхъестественному». Там будет раздел, посвященный магии. Не поможешь материалами?

Ладно, пока. Пиши мне. И, как вы, ведьмы, говорите, благословенна будь!

Личико погасло. Дарья морозно смотрела на кристалл. Потом сказала:

– Какое ей дело до того, есть у меня официальное образование или нет? Какое ей вообще дело до того, как я живу?!

– С точки зрения теории родственных связей, госпожа, ваша сестра беспокоится о вашей дальнейшей социализации, – ответил кристалл.

– Я тебя спрашивала?! – рявкнула Дарья кристаллу.

– Ну, я думал – да.

– Меньше думай. Дольше не зависнешь. – Но ярость Дарьи уже угасла. – Давай следующее письмо.

– Выполнено. Письмо со статусом диалога в реальном времени.

– О. Тогда я уже знаю, от кого оно, – поморщилась Дарья.

И, судя по выражению ее лица, она не ошиблась.

– Благословенны будьте, великая Госпожа Ведьм! Вас приветствует магистр Рэм Теден, действительный статус-квотер Лондонского отделения Ложи Магистриан-магов...

– Святая Вальпурга! – простонала Дарья, но было поздно.

Перед ней в воздухе возникло лицо молодого человека исключительной красоты. Все в нем дышало гармонией, тщательностью и дивным совершенством. Темно-карие глаза магистра Рэма Тедена взирали на Дарью Белинскую с поистине неизбывной нежностью. И только госпожа Дарья Белинская на самом деле знала, чего стоит эта самая неизбывная нежность и куда свою неизбывную нежность может засунуть магистр Рэм Теден.

– Благословенна будь, Госпожа Ведьм! – бархатным голосом сказал Рэм Теден (точнее, его голосом сказал магический кристалл).

– Шлю свои приветствия высокому представителю славной ложи! – официально ответствовала Дарья, делая до крайности чопорное личико. А потом не выдержала и хихикнула: – Рэм, ты что, опять себе пластическую операцию сделал?

– Нет, а что? – немедленно напрягся магистр.

– Значит, снова экспериментировал с эстетической магией, – проникательно заявила Дарья. – Рэм, ты выглядишь настолько красивым, что от этого меня уже тошнит. Мужчина моей мечты не должен выглядеть сплошным совершенством.

– А я и не сплошное совершенство, – обаятельнейше улыбнулся Рэм Теден.

– Ты и не мужчина моей мечты, – парировала Дарья. – Так, по какому поводу твое письмо? Да еще в диалоговом режиме! Учти, я трачу немало магической энергии на подобные входящие письма. Так что я надеюсь, тебе действительно есть что сказать. А симпатичную свою мордашку побереги для девиц из сатанинской общины «Инфернальные красотки».

Лицо Рэма посуровело, столь вопиющая его красота немедленно сменилась мрачной мужественностью. Все-таки магистр логи знал себе цену и даже Главной Ведьме не позволял насмехаться над собой безнаказанно.

– Да, мне есть что сказать вам, Госпожа Ведьм, – отчеканил он. – Новая насланная смерть.

Дарья не дрогнула лицом. В последнее время она слышала о смерти довольно часто. Но слышать – не значит привыкнуть. Однако при магистре Рэме не следовало выдавать ни малейших эмоций.

– Как выглядит? – спросила она. – Имитация естественной смерти или стандартное самоубийство?

– Второе.

– Стандартное самоубийство... Значит, наверняка была записка с просьбой никого не винить и прочими сентиментальными словами, а потом...

– Жертва бросилась под проходящий поезд. Причем интересной деталью является то, что этот неизвестно откуда взявшийся поезд – первый за пятьдесят последних лет. Железнодорожная ветка на месте трагедии считалась давно заброшенной, транспорт там не пускали – шпалы были трухлявы настолько, что пальцами раскрошить можно. Когда наши ребята из отдела спецобследований там побывали, поразились, как вообще этот поезд мог пройти. Именно это заставило насторожиться магистерскую службу.

– Неожиданный поезд на неожиданной железнодорожной ветке еще не доказательство. Как вы поняли, что это было насланное убийство? Хотя это потом... Где произошло убийство? Страна, город, местность?

– Венгрия. Город Дебрецен.

– Никогда о таком не слышала.

– Я тоже не слышал, покуда из Венгерского филиала логи не пришло сообщение.

– Понятно. Кто жертва?

– Девочка. Пятнадцать лет.

– Святая Вальпурга... – прошептала Дарья. – Как ее звали?

– Мирта Ишкольц. Наши проверили ее прошлое: никаких отклонений, росла нормальным ребенком, кстати, была истой католичкой, как и ее семья. Отлично училась в школе, судя по фотографиям – симпатичная...

– Все не то. Магистр Рэм, скажите, ваши люди смотрели личные дневники Мирты Ишкольц? Обычно такие дневники выглядят стандартно – пухлые тетрадки в розовых или сиреневых обложках, с наклейками из розочек, сердечек и фотографий домашних любимцев... Девочки возраста Мирты Ишкольц старательно ведут дневники, потому что пишут там о своих кумирах, своих первых влюбленностях и разочарованиях. Что было в дневниках Мирты? Что такого, что привело ее к падению в пропасть?!

– Я сожалею, Госпожа Ведьм, – ответил магистр Рэм Теден. – Но у Мирты Ишкольц не было обнаружено личных дневников.

– Так. А подруга? Лучшая подруга, которой известно все? Одноклассники? Приятельницы во дворе или просто какие-нибудь хорошие знакомые, которым Мирта излила душу незадолго до гибели? Должно быть хоть что-то!

– Мы ничего не обнаружили. И никого. Казалось, что девочка живет...

– Жила!

– Жила будто в пустыне.

– И все-таки ложа считает, что ее смерть была наведена! Что в ее смерти повинна какая-то ведьма! Так?

– Да. Госпожа Ведъм, ситуация требует вашего личного вмешательства. И вы знаете почему.

– Знаю. – Дарья склонила голову, но тут же подняла ее, и в глазах Госпожи Ведъм горел яростный фиолетовый огонь. – Потому что это убийство – не первое! Их уже тринадцать – таких смертей – по всему миру! Мирта Ишкольц – четырнадцатая! И мне стыдно, магистр Рэм, что я не обратила внимания на это раньше, чем ваша ложа! Теперь же я официально заявляю вам, как магистру ложи: я, Госпожа Ведъм, объявляю расследование. И я возглавлю его. А посему прошу вас, магистр Рэм, предоставить мне все материалы, собранные ложей. Все материалы касательно четырнадцати наведенных смертей. И сделайте это незамедлительно.

– Я приложу все усилия, Госпожа Ведъм, – склонил голову магистр Рэм. – Материалы придут интернет-каналом сегодня после полуночи.

– Хорошо. У вас что-то еще, магистр Рэм? Красавец с глазами цвета темного меда слегка смешался:

– Нет, ничего.

– Тогда...

– погоди ты, – совсем другим голосом вдруг сказал Рэм Теден. – Еще не надоело тебе в официальщину играть, королева ведьмовства? Да, у нас проблемы. Да, мы облечены высокой властью. Но, Дарья... Ты не устала быть вечно сильной?

– Магистр Рэм!..

– Знаешь, чего тебе не хватает? Прогулки по заросшему клевером утреннему лугу, купания в речке, вечернего сидения у костра. И все это – с любимым человеком. Разве ты не хочешь этого? А я... я хочу. Дашка...

– Магистр Рэм, – Дарья старательно выпуталась из сладких чар голоса Рэма Тедена. – Я снова вынуждена напомнить вам, что мои желания, равно как и мечты и надежды, не подведомственны вашему магистерству. Жду материалов по убийствам.

– Дура ты, Дашка, – печально и зло проговорило лицо Рэма Тедена.

– И вы благословенны будьте, магистр, – ровно ответила Дарья и приказала кристаллу прервать связь.

До полуночи оставалось совсем немного времени, и Дарья поняла, что на сон она его уже не потратит. А завтра ведь такое расписание дел... Но Мирта Ишкольц не шла у нее из головы.

– Почему ты это сделала, девочка? – прошептала Дарья Белинская, глядя на матовую поверхность волшебного зеркала. – Почему?

То, что не попало в досье ложи. Венгрия, г. Дебрецен, 5 апреля 2019 года, смерть Мирты Ишкольц.

Сегодня утром Мирта проснулась и поняла: что-то произойдет.

Что-то очень важное.

С нею.

Недаром ночью ей приснились стихи.

Мирте часто снились стихи. Они нарушали ее спокойный, почти детский сон, но она все равно просыпалась и записывала их. Некоторые из своих стихов Мирта показывала учительнице литературы, и та говорила, что стихи талантливые, но немного странные для Миртиных лет.

Девочка села в кровати и потянула с тумбочки листок бумаги – с «ночными стихами». Перечитала их.

Приходит знание слов.

Приходит знание слез.

Приходит всех кончин
Обугленное знание.
И через толщу снов
Спокойно и всерьез
Ты шепчешь имена,
Как будто заклинанья.
С последним днем зимы
Приходит боль за тех,
Кто не сумел дойти
И повернул обратно.
И след ручьями смывает,
И похоронен снег,
И, всё забыв, опять
Восстанет брат на брата.
В растрепанных ветвях
Начнут мелькать стрижи.
И влажная земля
Нежна и не одета.
Сквозь прежний детский страх,
Сквозь лепет взрослой лжи
Приходит знание мук.
Приходит знание света.

– Как я ухитрюсь их сочинять? – удивлялась Мирта. – У нас в семье никто никогда не увлекался поэзией...

Сегодняшняя очередная мысль о семье слегка омрачила прелестный лоб юной поэтессы, и она, натягивая халатик, решила подумать о чем-нибудь более приятном. Например, о вчерашнем дне...

Вчера после школы в парке, куда она пошла, повинувшись волнению, охватывающему ее каждый раз с тех пор, как Шандор Елецки впервые посмотрел на нее, Мирта также в первый раз целовалась «по-взрослому». Целовалась конечно же с Шандором, первым красавцем их класса, парнем с удивительно чистой кожей (не то что его заросшие угрями ровесники), пробивающимися усиками и глазами цвета сахарной жженки. Шандор Елецки был стройный, спортивный и знающий себе цену мальчик. Потому девочки, поначалу просто осаждавшие его, как туристы знаменитый собор в Эстергоме, волей-неволей прекращали свои попытки завоевать красавца и в отместку принимались изводить его насмешками. Но Шандор Елецки, как видела Мирта, обращал внимание на колкости одноклассниц не больше, чем породистый английский дог – на тьяканье бездомных шавок. Шандор и сам был таким – породистым мальчиком из очень приличной семьи. Непонятно только, почему его папа, Освальд Елецки, владелец нескольких антикварных лавок и, по всему, стопроцентный буржуа, дал сыну имя революционного поэта. Впрочем, отчего бы ценителю антиквариата не ценить поэзии Шандора Петефи? Революция – это тоже антиквариат в какой-то мере.

Конечно, вовсе не такие мысли воробушками кружились и чирикали в голове Мирты Ишкольц. Мирте совсем недавно исполнилось пятнадцать – сами понимаете, это уже событие, важнейшее не только в Венгрии, но и на всей земле! И еще: судя по отражению, которое она каждый день видела в зеркале, Мирта была привлекательной девочкой, с отличными, от природы выющимися белокурыми волосами и ногами, которые можно не прятать под длинную форменную юбку (в их школе носили форму, но многие учащиеся нарушали правила, а школьный совет смотрел на это сквозь пальцы). Мирта, конечно, не рвалась в записные красавицы

вроде парочки гордячек Ильмы Сопеч и Мэрион Мюллер, но с момента своего пятнадцатилетия Мирта мечтала о парне, с которым у нее будет Это. И Это будет просто волшебное! Ведь Ильма и Мэрион наверняка уже не девственницы, да и почти все остальные девчонки их класса – тоже. Мирта прекрасно слышала, о чем одноклассницы болтают в спортивной раздевалке или во время перемен: казалось, ничего, кроме секса и подходящих мальчиков, их не волновало. Поэтому Мирте совсем не улыбалось оказаться единственной девственницей в классе. Чтобы на нее пальцем показывали? Ну уж нет!

По правде говоря, Мирта вовсе не так уж и жаждала секса. Фильмы, рассказы подружек и пара преступных походов в интим-магазин, конечно, разжигали воображение, но реальность вполне могла оказаться куда примитивнее. А Мирта не хотела примитивного. Она пыла не только привлекательная, но и умненькая девочка, гордость своей небогатой и честной семьи. И, как умненькая девочка, Мирта знала об оборотной стороне медали плотских удовольствий: СПИДе, изнасилованиях, ранних беременностях и подпольных абортах, которые могут стоить жизни... К тому же Мирта была верующей, католичкой, как и вся ее семья, и долго не могла избавиться от той истины, что целомудрие – самое дорогое сокровище...

Но сейчас ей было пятнадцать, и стояла весна. Слова сами собой складывались в строфы, голова легкомысленно рифмовала «аллилуйя» и «поцелуй», хотелось нежности, поэзии и восторга. Апрель этого года был особенно солнечным, небо превратилось в магическое средоточие голубого, синего и бирюзового цветов, на клумбах распускались ранние тюльпаны, городской парк кутался в зеленую вуаль первой листвы... И дело было вовсе не в сексе, а в любви, в том прекрасном, разлитом в весеннем воздухе ощущении влюбленности, которое пьянило и туманило голову. И хотя у католиков начался предпасхальный пост, мысли Мирты были вовсе не покаянными. Потому что третьего дня она получила на уроке записку:

«Мирта, я бы хотел после школы поговорить с тобой. Буду ждать возле старой котельной, ты знаешь где. Посмотри на меня, если согласна прийти. Шандор».

Тогда Мирте показалось, что эту записку читает имеет с ней весь класс, а ее сердце тут же выпрыгнет из груди прямо на парту, на раскрытый учебник алгебры. Она склонила голову, стиснула во вспотевшем кулаке записку и лишь спустя бесконечное количество часов, дней, лет и веков она осмелилась повернуться к парте, за которой сидел Шандор, и посмотреть на него. Шандор ждал ее взгляда, и его глаза цвета сахарной жженки улыбнулись испуганному и недоверчивому взгляду девочки.

... Они встретились возле старой котельной, а потом пошли в кино. Показывали давний русский фильм «Ночной Дозор», который Мирта смотрела раз пятнадцать, но сейчас был важен не фильм, а то, что рядом с нею в темном кинозале сидел красавец-мальчик Шандор Елецки и гладил ее руку, безвольно растекшуюся по пластиковому подлокотнику кресла.

На следующий день Мирта явилась в школу с видом человека, которому доверили хранить страшную тайну. Но записные красавицы Ильма Сопеч и Мэрион Мюллер были слишком заняты собой, чтобы заметить такую, по их мнению, «серую мышку», как Мирта. А девочка словно пребывала в эйфории – ведь Шандор, проводив ее до дома, сказал, что она очень ему нравится и он хотел бы быть с ней. Так и сказал: «Я хочу быть с тобой, Мирта». И от этой фразы что-то сладко обрывалось внизу живота, шумело в ушах, дрожали колени... И вчера Мирта и Шандор гуляли в парке, выбирали самые укромные тропинки, а потом долго целовались возле фонтана, еще не расчищенного от прошлогодней мокрой листвы... Мирте было немножко стыдно от таких поцелуев, она чувствовала себя дурочкой оттого, что во время поцелуя думает, как бы Шандор не оцарапал язык о ее зубы... Прощаясь с ним на пороге своей квартиры, она мысленно дала себе зарок, что завтра все у них будет еще лучше. Еще интереснее и... Мирта даже не задумывалась, нравится ли она Шандору всерьез и нравится ли Шандор ей. Была весна, а по весне положены всякие безумства, маленькие чудачества крови и плоти взрослеющих людей...

И вот оно наступило, благословенное завтра!

– Мирта, – озабоченно глянула на нее за завтраком мама. – Что с тобой?

Мирта в это время думала о глазах Шандора Елецки, и мамин вопрос был совершенно неуместен.

– Ничего, – ответила Мирта, чуть не подавившись кукурузными хлопьями с апельсиновым соком. – Все нормально.

– Тогда откуда этот румянец? – улыбнулась было мама, но тут вмешался младший братец Мирты Словен и все испортил.

– У тебя вся рожа красная! – заявил он сестричке.

– На себя посмотри! – огрызнулась Мирта. Она терпеть не могла младшего брата – с тех пор как тот накормил какой-то дрянью ее хомячка и зверек издох после продолжительных мучений. – У тебя вообще вместо рожи задница!

Мирта, когда хотела, могла быть очень грубой девочкой. В такие минуты она не ощущала в себе ни поэзии, ни романтики и уж тем более не желала быть гордостью семьи. Семья! Разве этот ад называется семья?!

– Дети! – всплеснула руками мама Ишкольц. —

Как не стыдно!

– Он первый начал, – традиционно заявила Мирта. Словен свел глаза в узкие злые щелочки:

– Сама дура! И воровка! Когда ты сперла мою коллекцию бейсбольных карточек? – прошипел он. – Ведь признавайся, ты их сперла? Я их третий день ищу, найти не могу!

– Совсем дурак? – хмыкнула Мирта. – Нужны мне твои сокровища, как же. Сам запихнул куда-нибудь, все знают, что у тебя в комнате – большая городская свалка.

... В действительности же драгоценная коллекция братика была старательно изрезана ножницами Мирты на мелкие кусочки и отправлена в унитаз. Мирта сделала это с чувством глубокого удовлетворения: во-первых, одиннадцатилетний сопляк должен знать свое место и не препираться со старшей сестрой, а во-вторых, она терпеть не могла бейсбол и все эти дурацкие трансляции бейсбольных матчей по спортивному каналу...

– Не нужны мне твои карточки, – твердо повторила Мирта, и даже румянец на ее щеках поблек. Еще бы – ведь приятные мысли о Шандоре Елецки сменились повседневными размышлениями над тем, как прикончить братца и при этом избавиться от трупа. – Не нужны. Заткнись!

– Нужны, я знаю, – с убеждением натурального параноика заявил Словен. – Они стоят бешеных бабок по школьному курсу, одна карточка – двадцать форинтов.

– Ну и что?

– А то, что ты их загнала бы кому надо и купила бы себе всякие мазилки для своей рожи, как все вы, девки, делаете! Чтобы вас трахали большие пацаны! – выдал Словен. И добавил, словно поясняя маме: – Из старших классов.

– Мама! – возмущенно взвилась Мирта. И румянец снова залил ее щеки. – Скажи ему, чтоб он заткнулся, иначе... Иначе я расскажу и тебе, и учительнице Ванбладт, что Словен говорил про нее на прошлой неделе!

– Только попробуй, шлюха! – заорал в ответ Словен.

– Как ты меня назвал?! – заорала в ответ Мирта.

– Дети, что вы такое говорите? – ахнула мама Ишкольц. Она была тихой, замороченной домашним хозяйством матерью-одиночкой, поэтому реальной властью над своими чадами, родившимися, кстати, от разных отцов, не обладала. Более того, Роксана Ишкольц, любя своих детей беззаветно и преданно, при этом побаивалась их, словно ее дети могли в любой момент превратиться в динамитные патроны. – Словен, не смей никогда больше называть сестру пло-

хими словами. Это грешно. И запомни, что никому не нужна твоя коллекция, уж поверь мне. И Мирта на нее не будет посягать – правда, Мирта? Кстати, а что там с учительницей Ванбладт?

– Только попробуй, скажи, шлюха! – У Словена глаза были как у бешеной собаки. А следы взбитых сливок на губах – ну просто натуральная пена. – Я тебе морду разобью! И все твои тетрадки со стихами порву на клочки!

– Словен!!! – это мама.

– Ах так! И расскажу! – это Мирта, чье солнечное настроение ушло безвозвратно и осталась лишь глухая ненависть к младшему братцу. И зачем только мать родила его, да еще и неизвестно, от какого мужика! А еще говорит, что верующая, как будто верующие не знают: блуд – смертный грех. И они, дети без отцов, – дети греха. – Мама, он сказал ребятам из своего класса, что учительница Ванбладт берет у него и рот. Потому, мол, оставляет его после уроков на дополнительные занятия, чтобы заниматься оральным сексом.

– Словен!!! – закричала мама, прижав ладони к щекам. На лбу у матери проступили белые пятна – как всегда, когда мама сильно нервничала. – Как ты смеешь такое говорить про учительницу! Или... погоди... Это правда?! Мальчик мой, тебя совращает эта женщина?!

Словен густо покраснел и только молча яростно смотрел на сестру.

– Мама, не верь ему! – заявила Мирта. – Он выдумывает. Будет учительница Ванбладт брать у него в рот, как же! Он просто не хочет ходить на дополнительные занятия. И к тому же он не хочет, чтоб мальчишки из класса дразнили его...

– Заткнись!!! – Словен швырнул в Мирту коробку с кукурузными хлопьями. – Сука, сука поганая!

– Словен, не выражайся, это грешно! – У мамы в глазах стояли слезы. – Почему ты не сказал мне, что тебя дразнят, я бы пришла в школу, поговорила с твоим педагогом...

– Потому что его дразнят, знаешь, мама, как?! – В Мирте клокотала злая, ненавидящая энергия. – «Самый маленький пенис», вот как! Вот он и придумывает, что у него сосет взрослая женщина! Ай, мама, убери его, он меня убьет!!!

Утренний завтрак, с невинной маминой фразы превратившийся в отвратительный скандал, достиг точки кипения. Словен с кулаками накинудся на Мирту. Та по праву старшинства принялась отвешивать ему солидные оплеухи и подзатыльники.

– Дети, да уймись же! – плакала мать. – Как вы можете! Вы должны любить друг друга! Подумайте о грехе и воздаянии... Мы ведь в прошлое воскресенье ходили на мессу, и преподобный отец Марк говорил...

О чем говорил в прошлое воскресенье преподобный отец Марк, осталось неизвестным. Потому что в данный момент на сцене семейной драмы появилось еще одно лицо – бабушка Антония, мамина мама. Бабушка была еще крепкой и нестарой и умела укрощать обоих отпрысков своей непутевой дочери. У бабушки в руках, как всегда, имелись два предмета укрощения: трость с крепким костяным набалдашником и тяжелая семейная Библия. Это от бабушки Мирта знала, что они с братом – чада греха. Бабушка, кстати, всегда их так называла. Вот и теперь...

– Чада греха! – загремела бабушка Антония своим совсем нестарым голосом. – А ну уймись! Иначе моя трость сделает не одну прогулку по вашим спинам! Мирта, это и тебя касается. Если ты стала девушкой, это еще не значит, что я прекращу тебя пороть. Словен, дрянной мальчишка!

Дети смолкли и уставились в свои тарелки полными ненависти взглядами. Если бы их взгляды могли воспламенять, кукурузные хлопья в момент превратились бы в пепел.

– Матушка, – Роксана Ишкольц и сама побаивалась своей матери и всегда чувствовала себя перед нею виноватой – за то, что не смогла достойно устроить свою судьбу, за то, что родила вне брака. – Простите, что побеспокоили вас. Дети опять...

– Сквернословили? Повздорили? Словен, посмотри на меня, не прячь глаза, бессовестный мальчишка! Что ты такое наговорил матери и сестре?

– Он назвал меня сукой и шлюхой, – расплакалась Мирта. Ей стало горько и обидно. Снова все вокруг было серым безрадостным и наполненным глухой ненавистью к родственникам, которых зачем-то послал ей Бог. Почему Бог вообще так поступает? Почему Он вынуждает жить под одной крышей людей, которые не любят и никогда не любили друг друга? Ведь даже мама не любит их – Мирта как-то слышала ее разговор с бабушкой об интернате, – не говоря уже о самой бабушке. Бабушка считает Мирту и Словена ублюдками и вырожденками. Правда, когда Мирта приносит только отличные оценки (а случается это часто, потому что Мирта хочет быть гордостью семьи и в дальнейшем попасть не в интернат, а получить хорошее образование), бабушка бурчит что-то вроде похвалы и с важным видом дает денег, которых не хватает даже на мороженое.

– Словен, ты знаешь, как я наказываю за плохие слова? – начала допрос бабушка, угрожающе покачивая тростью.

– Матушка, не надо, – взмолилась Роксана Ишкольц. – Ему ведь сейчас в школу! Будут потом спрашивать, откуда синяки.

– Ничего, – сказала бабушка. – Соврет, что упал с лестницы. Словен...

– Я больше не буду, – торопливо пробормотал мальчик. В его глазах теперь ненависть мешалась с животным ужасом.

– Словен, – повторила бабушка Антония. – Выйди из-за стола.

– Матушка, он опоздает в школу... – пыталась еще вступить за сына мать.

– Ничего. Успеет. Словен, наклонись. Или ты хочешь, чтобы я отколотила тебя по рукам?

Мирта, дрожа, смотрела на экзекуцию. По ее спине бабушкина трость не прохаживалась последние три года, но она очень хорошо помнила, каково это. И сейчас ей было жалко брата, сейчас она корила себя за то, что наябедничала... Но тут же вторая, внутренняя.

Мирта, которая была позлобнее внешней, сказала: «Он получает, что заслужил. Никто не имеет права называть тебя сукой и шлюхой безнаказанно. Он сам виноват».

Словен получил причитающиеся ему колотушки и чуть не бегом кинулся в свою комнату.

– Не вздумай опоздать в школу! – напутствовала его вслед бабушка. – Иначе еще всыплю.

Тут ее взор обратился на Мирту. Та тихо поднялась из-за стола.

– А ты, красавица, – сказала Мирте бабушка, – не думай, что раз я тебя не порю, то, значит, и не за что. Подойди ко мне.

Мирта повиновалась.

– Посмотри в глаза. Мирта повиновалась.

Бабушка оценивающе посверлила ее взглядом.

– Косметики нет, это хорошо, – сказала бабушка. – И не смей краситься до самого выпускного бала. Девушку украшает скромность и целомудрие. И если вдруг ты начнешь встречаться с мальчиком...

Мирта похолодела. Ей показалось, что собственные глаза, лицо, руки – все, чего касался Шандор, сейчас окрасится в какой-нибудь ядовитый цвет вроде фальшивых денег и выдаст ее. Но ничего не произошло. Бабушка почти не больно подергала Мирту за ухо и напутствовала:

– Хорошая учеба и никаких мальчиков! Вот для тебя закон! Ступай в школу.

... Когда младшие отпрыски семейства Ишкольц ушли в школу, мать сказала бабушке:

– Матушка, прошу тебя, не будь с ними так строга...

– Я выколачиваю из них твои грехи, дочь, – ответила бабушка Антония. – Они ублюдки. Они дети греха. Их надо воспитывать денно и нощно, чтобы из них получились достойные люди. Следи за Миртой. У нее опасный возраст. Я не уследила за тобой, и в шестнадцать лет ты оказалась беременной. Пришлось брать грех на душу – вести тебя на аборт...

– Мама, не надо об этом!

– Надо. Если ты хочешь, чтобы, в отличие от тебя, твои выродки стали достойными людьми... Подай мне завтрак, что стоишь?

Роксана Ишкольц подавала матери завтрак и старалась унять злые, непокорные слезы. Мать была права. Как всегда. И дети нуждаются в суровом воспитании.

... Мирта и Словен всегда ходили в школу разными путями. А сегодня этот маневр приобрел еще и статус демонстративной ненависти – брат не мог простить сестре своего унижения, а сестра брату – самого его существования. Потому Словен потопал через блошинный рынок, где продавалась всякая чепуха, понятная и любимая разве только мальчишками окрестных кварталов. А Мирта зашагала сквозь небольшую рощу, которая выросла на месте старых-пре-старых железнодорожных путей. Мирте всегда нравилось идти по заросшей травой и простенькими цветами узкоколейке, не опасаясь, что появится поезд, и мечтать о том, как однажды она вырастет и навсегда уедет от своей нелюбимой семьи. И из этого города. Она способная, она поступит в столичный университет, а там начнется иная жизнь, в которой не будет проклятого брата, ненавистной бабки с ее тростью!

Вот только Шандор... Жаль будет расставаться с Шандором. Хотя почему расставаться? Теперь до окончания школы они будут гулять вместе, а потом – вместе же и поедут в Будапешт навстречу новому прекрасному будущему...

Мирта выкинула из головы мечты – размечтавшись, можно и впрямь опоздать в школу, заработать «желтое замечание» и нарваться на неприятности. И быстрее зашагала по трухлявым шпалам, уже высушенным горячечным апрельским солнцем... И тут она отчетливо услышала за спиной рев приближающегося поезда.

Она обернулась, леденея от страха. Здесь не могло быть никаких поездов!..

... Никакого и не было. Только метелки прошлогодних бессмертников да опушенные белыми свечками ветви верб покачивались от теплого весеннего ветра.

Мирта помотала головой, но страх не отпускал. Рев несуществующего поезда все еще стоял в ушах, заставляя тело трепетать от ужаса. Мирта припустила бегом из этой рощи и поклялась себе, что отныне шагу сюда не ступит. Хотя не знала почему.

А про настроение и говорить нечего. Мирта не опоздала в школу, но явилась туда с таким похоронным видом, что никому на глаза не хотела показываться. Но разве это получится? На первом же уроке Шандор прислал ей записку:

«Что случилось? Гусь прошел по твоей могиле? Улыбнись, Мирта! Я скучаю по твоей улыбке».

И пририсовал улыбающееся сердечко, пронзенное стрелой.

Мирта даже не повернулась в его сторону. С ней творилось что-то странное. Рев несуществующего поезда никуда не делся, он бился внутри черепа и заставлял глаза слезиться, а все тело – противно ныть и болеть как при высокой температуре. Мирта не услышала, как началась перемена, как одноклассники вылетели резвиться в школьный сад и в комнате осталась лишь она и Шандор. Мирта не заметила, как к ее парте подошел Шандор, и очнулась, лишь когда он робко коснулся ее плеча. Она подняла голову и посмотрела на него.

– Что с тобой? – испуганно спросил Шандор. Девочка не отвечала; она была бледна меловой бледностью, тяжело дышала, а в расширенных ее глазах буйствовал неудержимый ужас.

Мирта молчала, глядя сквозь мальчика, а рука ее, держащая карандаш, вывела в тетради: «Мне очень плохо».

Но Шандор не прочел этой надписи. Он не смотрел на тетрадь, он смотрел в глаза Мирты, потому что за свою не слишком длинную жизнь мальчику еще не приходилось видеть столь страшных и несчастных глаз.

– Ты заболела? Мирта, что у тебя болит? – Шандор говорил это и не мог оторвать взгляда от налитых болью глаз девочки. – Давай я отведу тебя к школьному врачу. И опять он не заметил, как ее безвольно лежавшая на парте рука ожила и вывела в тетради новую запись:

«Я не хочу так больше жить».

Лицо Мирты искривилось, из глаз полились слезы. Плакала она беззвучно и как-то автоматически. Шандор отшатнулся. Ему показалось, что у девочки припадок.

– погоди! – воскликнул он. – Я сюда сейчас врача приведу!

Шандор убежал за врачом. Мирта сидела в пустом классе и выводила в тетради строчку за строчкой, глядя, однако, не в тетрадь, а в пустоту, где ревел и плевался искрами из-под колес страшный, черный поезд со стеклами вагонов, заляпанными кровью, с колесами, острыми, словно кинжалы, с кабиной машиниста, где скалился скелет в форменной фуражке:

«Не хочу так, не хочу так, не хочу так. Почему? Почему? Почему?»

И тут в видение Мирты добавилось персонажей. Теперь рядом со скелетом-машинистом стоял Словен. Он был избит, его лицо опухло от синяков, а из груди, там, где сердце, торчала бабушкина трость. Словен больше не ругался, он молча плакал и с упреком смотрел на Мирту. Чувство безумной нерассуждающей пины перед братом хлынуло в душу девочки и затопили ее. У Мирты тряслись руки, но она продолжала писать, глядя внутрь своего видения:

«Я виновата перед Словеном. Его били за меня. Не хочу. Не хочу. Не хочу. Виновата. Виновата. Прости, Словен. Прости. Я искуплю».

Словен-видение кивнул ей мертвой головой, словно одобряя написанное. Поезд пронесся мимо. Рев в ушах стих мгновенно, и наступившая тишина показалась чем-то ужасным вроде конца света. Мирта всхлипнула, автоматически захлопнула тетрадку и потеряла сознание.

Очнулась она в кабинете школьного врача, на кушетке. Сначала ей показалось, что она совсем не чувствует собственного тела – до того оно было расслабленным и вялым. Над Миртой склонились двое людей в медицинских халатах: один – школьный врач, а Другой, точнее другая – красивая молодая девушка, совсем незнакомая. Девушка держала в руке пустой Шприц – видимо, его содержимое она только что ввела в правую руку Мирты, потому что руку начало покалывать.

– Я подозреваю невралгический припадок, – сказал школьный доктор девушке. – Потому и вызвал вас. Случай серьезный.

– Нет, – отозвалась девушка и пощупала пульс на шее у Мирты. – Это не припадок. Осложненная подростковая цефалгия, скорее всего. У них, особенно у девочек этого возраста, часто случаются подобные приступы сильнейшей головной боли. Мирта, тебя ведь зовут Мирта, верно? Ты слышишь меня? Можешь говорить?

– Да, – сказала Мирта. Она начала ощущать собственное тело.

– Что с тобой было? Расскажи.

– Голова... Болела.

– А тошнило? – Нет.

– Ты чего-то испугалась, Мирта? – продолжала спрашивать девушка. – Переволновалась, может быть?

Мирта на миг увидела черный поезд.

– Да... Я переволновалась, – с трудом произнесла она.

– Ты много занимаешься? Ты волнуешься из-за уроков? – Девушка не отставала от Мирты. Но ее красивое лицо, в отличие от сердечных вопросов, было профессионально безучастным.

– Да, – ответила Мирта.

– Полагаю, – сказала девушка, обращаясь к школьному врачу, – что у нее развивается психогенная цефалгия. Постоянное нервное напряжение, школьные нагрузки. Возможно, скрытая депрессия. Из-за оценок. Да и вообще они в этом возрасте все эмоционально неустойчивые. Я бы рекомендовала девочке пройти курс у школьного психолога. А вы наблюдайте за ней и выпишите направление на рентгено-компьютерную томограмму в клинику.

– Хорошо, – покорно кивнул головой школьный доктор, как будто девушка был а бог весть каким медицинским светилом. А та опять обращалась к Мирте:

– Ну что, детка, ты можешь встать?

Мирта честно попробовала. И тут же в голове разразилась такая канонада, что она вскрикнула от боли.

– Ясно. Полежи еще немного. Я сделаю тебе еще один укол. Успокаивающий и обезболивающий. А вы, доктор, пожалуйста, проследите, чтобы на сегодня девочку освободили от занятий и отправили домой. Думаю, уже завтра она будет в норме, но пока ей лучше отдохнуть дома.

Школьный врач согласился. Девушка сделала Мирте еще один укол – теперь в вену левой руки. Улыбнулась:

– Полежи пока. А потом тебя проводят домой.

– Хорошо. – Мирта закрыла глаза, стараясь не обращать внимания на неприятное покалывание в обеих руках.

Школьный врач отправился провожать девушку со «скорой помощи», а Мирта все еще лежала на кушетке. В голове у нее крутились какие-то обрывки фраз, мусор из сновидений, грез, несбывшихся желаний... Главное, что среди всего этого не было черного поезда, который ужасал, лишал воли и высасывал остатки добрых чувств из сердца. Мирте представлялось, что она, как герой из любимого ею фильма Джармуша «Мертвец» в последних кадрах, лежит, смертельно раненная и в то же время умиротворенная, в лодке, а лодка плывет по медленной реке. И можно видеть, пока еще можно видеть, небо, облака, далекие берега... И засыпать, понимая, что сон плавно перейдет в смерть...

Мирта заставила себя встряхнуться. Она еще не собирается умирать! Да, она отвратно себя чувствует (что-то инъекции девушки-доктора никак не действуют), но это не значит, что сегодня же она и умрет. Глупости какие! У нее столько жизни впереди, столько всего светлого!

Эта мысль придавала девочке сил. Мирта села на кушетке, проморгалась. Голова кружилась, и тупо ныли виски, но тело слушалось свою хозяйку. Тут в кабинет вошел школьный доктор.

– О, похоже, ты уже приходишь в норму, – сказал он Мирте.

– Да...

– Вот, возьми. – Врач протянул девочке два плотных, вчетверо сложенных листа бумаги. – Это тебе освобождение от занятий на сегодня и еще (постарайся не потерять!) направление на компьютерное диагностирование в городскую клинику. Тебе обязательно нужно обследоваться. Поняла?

– Да. Спасибо, доктор Малкош.

– А теперь ступай домой. Около дверей моего кабинета топчется некий юноша. Похоже, он горит желанием проводить тебя.

Доктор Малкош постарался, чтобы в его словах девочка уловила юмор и развеселилась, но Мирта, вставая, только безучастно сказала:

– Спасибо. Можно, я пойду?

– Да, конечно, – кивнул школьный врач. А когда девочка вышла, у него мелькнула глупая мысль, что больше он ее в школе не увидит.

... Мирту действительно ждал Шандор. Он решил прогулять занятия ради того, чтобы сопроводить до-мой столь внезапно заболевшую подружку. Он даже собрал сумку с Миртиными тетрадями и учебниками, а Мирта прошла мимо него, даже и не заметив.

– Мирта! – окликнул ее Шандор. Она обернулась. Остановилась.

– Я жду тебя, – сказал мальчик. – Я провожу тебя, ладно? Ты сейчас как, ничего?

– Ничего, – эхом отозвалась Мирта.

Шандор взял ее за руку, девочка покорно пошла за ним.

– Ты выздоровеешь, – утешал ее Шандор. – Пойдем послезавтра в клуб, потанцуем?

– Да, – рассеянно кивнула Мирта.

... Они вышли из школы, прошагали два квартала до дома Мирты по прямой дороге, а потом, когда дом Мирты уже был виден, девочка сказала:

– Спасибо тебе, Шандор. Ты иди, ладно? Я не хочу, чтобы мои видели, как ты меня провожаешь. У меня такая бабушка...

– Ладно, я понял, – улыбнулся Шандор. – А можно тебя поцеловать? Хотя бы в щечку, чтобы ты побыстрее выздоравливала.

– Да, – улыбнулась Мирта.

Они поцеловались. Мирта стояла и смотрела, как Шандор уходит. Она даже не обратила внимания на то, что мальчик забыл отдать ей ее школьную сумку. Девочка дождалась, когда ее друг скроется из виду, и решительно повернула в сторону заброшенной железной дороги.

Она не хотела туда идти!

Ноги понесли сами.

А голова... Она так страшно разболелась, что ничем нельзя было унять эту боль. Но даже не это путало Мирту и гнало ее в глушь, к ржавым рельсам и нависавшим над ними ветвям плакучих ив. Девочку изводил голос – внутри нее, безжизненный, холодный, осуждающий и обличающий.

«Ты должна это сделать, Мирта, – говорил голос. Не грозно, а спокойно и обыденно. – Ты сама прекрасно это понимаешь».

– Почему? – едва слышно шептала девочка и продиралась сквозь кусты, еще не распустившегося шиповника.

«Потому что ты грешница, – пояснял голос. – Ты ведь лгунья, Мирта. Ты лжешь матери и бабушке, очень часто лжешь. И своему брату ты тоже лжешь, разве не так? А еще ты воровка, Мирта. Ты украла у своего брата дорогую ему вещь – его коллекцию. Воровство – большой грех, Мирта, и ты это знаешь. Но это еще не все, Мирта. Разве ты не помнишь того, что Бог заповедал людям? Чтобы они любили ближних своих. Как самих себя. А ты не любишь своего брата. Ты очень часто делала ему зло. Обижала его. А ведь он еще маленький. Ты могла бы быть добрее, Мирта!»

– Он тоже злой! – вскрикивала Мирта. – Тоже обижал меня, а ведь я старше!

«Ты должна была терпеть. Ты должна была показывать пример. Словен еще маленький мальчик, и если бы он научился добру у своей сестры...»

Голос превратил Мирту в объятые невероятным страхом и чувством вины существо.

– Я все исправлю, – залепетала Мирта. Ноги ее подкашивались. – Я буду доброй со всеми, и со Словеном тоже. Я подарю ему новую коллекцию карточек. Я больше не буду врать...

«Поздно, Мирта, поздно», – холодно отвечал голос.

– Почему?!

«Он скоро будет здесь. Он надвигается. И тебе суждено принять этот удар, потому что ты сильно прогневила Бога».

– Нет! Я не хочу умирать! – закричала Мирта. – Простите меня, я еще ребенок, я вырасту и буду другой!

«Прощением делу не поможешь. Нужно искупление. Ты-должна искупить. И ты искупишь».

– Я не хочу!!! – закричала Мирта...

И вдруг увидела, что она стоит на рельсах старой дороги. Только сейчас эти рельсы были другие – не прежние, ржавые и засыпанные мусором. Они сверкали в лучах весеннего солнца ледяным блеском новой стали, а вокруг них разливалось пронзительное голубое сияние. И еще эти рельсы гудели. Негромко и угрожающе.

– Я не хочу, – повторила Мирта беззвучно. – Не надо. Пожалуйста.

И тут девочка услышала рев надвигающегося сзади поезда.

Она обернулась.

Поезд – черный и сверкающий – стремительно надвигался на нее.

– Беги, Мирта! – крикнула она сама себе.

Но ноги не слушались, ноги предали ее. А голос сказал:

«Прими это, Мирта. Так будет лучше».

– Для меня?! – вскричала Мирта...

Но она не успела получить ответа на свой вопрос.

А потом сине-стальные рельсы снова стали ржавыми. Над заброшенной железной дорогой нависла не нарушаемая ничем тишина. Ярко-желтая апрельская бабочка смело села на остывающий лоб неподвижно лежащей на полусгнивших шпалах девочки.

Глава вторая EXTRA MUROS...²

Рождение ребенка по традиции считается радостным событием.

Но только не такого ребенка.

Или правильнее сказать – детей?

... Однако начать надо не с того. Потому что, родись подобное несчастное чадо в другой семье, в другом месте, в других условиях, да и при других обстоятельствах, все сложилось бы иначе. Но речь сейчас пойдет о тех, кто для жизни своей и своих близких избрал такие условия, о которых нормальным людям лучше бы и не слышать, чтоб потом от кошмарных снов не просыпаться...

В те былинно-легендарные времена, когда князь Владимир крестил Русь, тех, кто противился новой вере и держался за капища древних богов, было больше, чем предполагают историки. А самое интересное то, что и пресловутых древних богов славянских было больше, чем тот скудный пантеон, что известен дотошным историкам, этологам и специалистам по древним мифам. Потому что велика, пространна и глухоманна была российская земля, и в непролазных ее чащобах таились такие культы и такие кумирни, о которых и по сей день достоверных сведений нет. Но то, что сведений нет, вовсе не означает, что нет и того самого культа...

В мрачной тайге много веков спустя после Крещения Руси стояло и даже процветало капище кроважного бога Мукузы, покровителя охотников, душегубов да вольных лихих людей. Со временем бог Мукуза цивилизовался и стал покровительствовать только охоте, рыболовству и собирательству всякого гриба и ягоды, но уж никак не мирволил душегубству и поеданию соплеменников. Возможно, так бога Мукузу стали трактовать сами его адепты, проникшись мыслью о том, что душегубство им не к лицу, да и экономически невыгодно. Постепенно вокруг капища вначале возникло поселение, а со временем и деревня – из тех же лихих людей, что решили осесть и зажить в страшной тайге своим умом и хозяйством, не побоявшись подступавшей к самому порогу глуши и дикости. И надо сказать, бог Мукуза – а его представляли в виде идола с четырьмя лицами и глазами из чистого золота, а также зубами, которые следовало орошать жертвенной кровью, – помог первопоселенцам. Не разгневался на людей за то, что те без жалости корчевали вековые сосны, строили избы и расчищали себе место для вольного житья и посевов...

Однако даже до такой глухомани ухитрялись иногда добираться первые православные клирики с христианской миссией. Миссионеров деревня принимала охотно, потому что тут же и приносила их в жертву кровавому Мукузе, пополняя тем сонм безымянных христианских мучеников. Так проходили годы и десятилетия, не меняя ничего в укладе языческого бытия.

Но однажды покой поклонников Мукузы был основательно нарушен. Да так основательно, что они испугались – уж не ослабел ли их четырехлицый бог, раз допустил подобное непотребство? А дело было вот в чем.

На сей раз пришли и поселились невдалеке от хозяев этих мест люди, которые не слабым, всепрощающим христианам и даже не рыщущим по тайге опричникам очередного далекого российского государя были чета. Новые поселенцы звали себя огнелюдами, поклонников Мукузы не тронули, но и дали понять, что ежели Мукузовы адепты не станут вести себя в отношении новых поселенцев мирно и дружелюбно, то от гнева странных огнелюдов четырехлицый зубастый бог Мукуза не спасет. Община огнелюдов насчитывала сотни полторы человек (в три раза меньше, чем у поклонников Мукузы), да к тому же баб там было гораздо больше, чем

---

² За пределами... (лат.)

мужиков, но тронуть загадочных пришельцев местные не осмелились. В конце концов, тайга – она всем мать. Для всех найдет и место, и силу, и богатство. И для всякого идола можно тут будет выстроить кумирню.

Однако «мукузины чада» все же любопытствовали, какую веру и какого бога исповедовали пришельцы, именующие себя огнелюдами. Для того чтобы сойтись поближе, «мукузины чада» вежливо пригласили главных огнелюдов к себе в деревню – гостевать и веселиться на празднике в честь летнего солнцеворота. Огне-люды приглашение приняли, и тут выяснилось, что верховодит у них и всею властью заправляет баба, а не мужик, как то заведено у всех приличных народов. Звали ту бабу тоже не по-людски, а так, как принято у всяких дальних южных народов – Фарида. Фарида и три подчиненные ей породистого вида девицы не поскупились на дары и подношения старейшинам «мукузиных чад», не отказались вкушать праздничных брашен и ястей и внимательно слушали рассказы старожил о былых глухотных временах, о том, как отступала черная тайга под натиском топоров поклонников бога Мукузы... Но сама Фарида, да и ее девы были немногословны, на вопросы отвечали скупой, неохотной, что, впрочем, «мукузиным» старейшинам даже пришлось по душе, ибо сугубо непотребна та баба либо девица, что позволяет себе многоречие. А еще была в Фариде воистину нечеловеческая величавость, такая, что всякому любопытному уста замкнет... Прекрасна ликом и станом была Фарида, только глаза ее смотрели не так, как глаза простых земных женщин. Словно из серебра или текучей ртути были ее глаза, как показалось то отведавшим браги старейшинам, и подумали они даже, что во главе общины огнелюдов стоит не просто баба, а воплощенная богиня...

Так толком ничего и не узнали «мукузины чада» о вере их соседей. Но с годами, особенно после того как многие мужчины взяли себе жен из огнелюдовских девиц, некоторое знание пришло. И было то знание странным и тайным.

Непосвященные могли подумать, что огнелюды поклонялись Огню. Отчасти это было правдой, но огнелюды были иными, чем все прочие огнепоклонники (коих, к слову сказать, на Руси к тому времени осталось мало). Огнелюды признавали и почитали единого и истинного Бога Творца, почти как иудеи, магометане и даже христиане. Только, учили огнелюды, у Бога не было никакого Сына, а была Дочь, воистину рожденная Им до начала всех времен, и именно на Дочери почил Дух Бога Творца. С помощью Дочери, которая была к тому же Огнем истинным, созидующим, Творец создал мир и все, что в мире. Но когда Дело дошло до сотворения человека, Дочь воспротивилась Отцу. Он творил людей по Своему образу и подобию, взяв для основы прах земной, и это не устраивало Огневдохновенную Дочь. В качестве протеста Дочь тоже сотворила существ – по своему образу и подобию. Отец для создания человека взял прах земной, Дочь же, поскольку сама была Огнем, взяла чистый огонь для создания своих существ, и плотью их стало пламя. Существа эти, по виду схожие с людьми, но по сути представляющие из себя чистое пламя, были наречены пламенгами (или фламенгами), а также огнелюдами. И если первый человек был поселен в Эдеме, то пламенги вынуждены были заселять самые скудные и неприютные места земли. Потому что Отец разгневался на Дочь за такое самоуправство и изгнал ее с небес к демонам преисподней... Но Дочь вышла из преисподней и поселилась в самых отдаленных землях вместе с созданными ею пламенгами – там, куда, как учили огнелюды, не смотрел глаз Бога.

Пламенги, или огнелюды, в первоначальном своем состоянии представляли из себя чистый, все поглощающий и все созидющий огонь. Но они также могли и принимать человеческий облик, становиться «людьми из праха земного», хотя разум их при этом все же оставался неизмеримо выше и значительнее, чем разум *homo sapiens*.

Принимая человеческий облик, пламенги как творения Дочери, а значит, как производные вселенского женского начала становились прекрасными девами, чьи глаза завораживали и манили к себе серебряно-ртутным блеском. Девы-пламенги хранили и в точности исполняли заповедь той, что их сотворила: заключать плотские союзы с мужчинами человеческого

племени, дабы рождавшееся от таких союзов потомство обладало хотя бы частично способностью стать пламенем и производить очищающий Огонь, а еще дабы созданное из персти творение Бога Отца было таким образом усовершенствовано. И кто знает, не стали ли греховные связи между сынами человеческими и загадочными «дочерьми пламени» настоящей причиной Великого потопа?

Потоп не погубил пламенг. Они продолжали распространяться по не обжитой еще земле, вливались в дикие племена и смешивали со своим неведущим пламенем человеческую кровь и семя... Прошли века и века, создавая, разрушая и вновь создавая цивилизации. И во всякой цивилизации, во всяком этносе, если присмотреться внимательнее, имелась тоненькая линия нечеловеческого бытия с огненным лицом. Многие поколения пламенг вступали в связь с людьми, и в этих поколениях сила изначального Огня постепенно угасала, хотя знание о нем и вера в него оставались неизменными. Но были и такие девы Небесной Дочери, что соблюдали чистоту своего вида, не имели плотских сношений с людьми и потому не растратили изначальной силы своего пламени. Оттого же оставались они неизменными, не подверженными никаким социальным и природным катаклизмам и, в отличие от своих частично очеловечившихся сестер, были бессмертными и чрезвычайно могущественными. Со временем этих бессмертных пламенг их менее совершенные соплеменницы стали почитать как божества – наравне с Божьей Дочерью. Сами же полулюди-полупламенги обладали способностями не только к тому, чтобы воспроизводить особое, свое пламя и испепелять даже то, что в принципе гореть не может, но также неподвластны были огню обычному. Правда, от поколения к поколению способности эти слабели – человеческая персть земная вытесняла понемногу нечеловеческий и неземной пламень.

Разумеется, на протяжении всей своей истории, проходящей параллельно с историей человеческой Цивилизации, пламенги и их сообщества существовали скрытно, не привлекая к себе малейшего внимания. Те же люди, которые попадали к пламенгам, поневоле принимали обет молчания, потому что никто не поверил бы их разговорам о существах, состоящих из неведущего пламени. А если бы таким разговорам и поверили – к примеру, во времена повсеместной охоты на ведьм, – добром бы это не кончилось. Не только для пламенг, но и для человечества вообще... Общины пламенг были рассеяны во многих странах, но жизнь в таких общинах протекала скромно и незаметно. И чем больше цивилизация опутывала своими золотыми нитями человечество, тем стремительнее отступали от цивилизации и скрывались в не познанной еще человеком глуши пламенги, они же огнелюды. Была еще одна причина, по которой пламенги предпочитали не афишировать свое существование. С точки зрения любой из признанных религиозных концепций такие существа были не чем иным, как носителями зла, выходцами из преисподней, демонами и исчадиями ада. Вступать же в теологическую дискуссию пламенги не стремились, справедливо опасаясь, что в горячке подобной дискуссии могут в буквальном смысле слова испепелить своих оппонентов... К тому же пламенги хранили свою веру, и вера их – в Дочь-Творца – была тверда и непоколебима.

Но как ни таись, а растущие государства и конфессии неизбежно вторгались в полупартизанское существование огнелюдов. К тому же нечеловеческое пламя все сильнее размывалось человеческой кровью, способности слабели, а страх – спутник всякого, кто таится, – становился сильнее. И постепенно общины огнелюдов практически исчезли из обеих Америк, Азии и Западной Европы, по преимуществу сосредоточившись в малоизученных частях Африки и Австралии...

Однако же случилось, что ко времени разделения Русской и Римской Церквей в местах суровой русской тайги, где доселе радовались вольному житию только поклонники бога Мукузы, появились огнелюды и создали свою общину.

Начальница их общины Фарида безо всякого труда выучила местный язык, да и остальным огнелюдам удалось это легко. Молодые мужики из «мукузиных чад» скоро пленились

огнелюдскими красавицами-девами, и с согласия старейшин стали меж поклонниками Мукузы и почитательницами Дочери-Творца заключаться браки. От тех браков нарождались дети, способные в горсти вскипятить воду, а глазами светить в ночной тьме так, будто то были не глаза, а две спустившихся с небес звезды... Такие дивные таланты поклонники Мукузы сочли благим знаком и решили не чинясь, что, почитая своего Мукузу, они тем же самым почитают и дающую Небесное Пламя Дочь-Творца. Так две общины, два племени слились в одно, обогатив свой пантеон и к тому же разбавив кровь пламенем... И отныне называли свою веру яррой верой, а себя яроверами, притом что некоторые из особо посвященных считали, будто четырехликий Мукуза есть не кто иной, как супруг Огненной Дочери...

Правда, когда слияние племен состоялось окончательно, случилось некое знамение. Стоял тогда ясный зимний день, звенящий от лютого мороза, когда на лету замерзали птицы и падали на пушистый снег... И вдруг среди этого морозного дня затянуло ледяное яркое небо грузными черно-синими тучами, пахнуло оттепелью, оттаявшей землей, прораставшей травой, а над поселением начали бесноваться такие молнии, что и в летнюю грозу сроду не увидеть... И в этих-то молниях ушла на небо, в чернильные тучи, прекрасная серебряноглазая Фарида, заявив прежде, что теперь ее помощь и совет соединившимся племенам не надобны, но, случись такая нужда, она вернется с небес и поможет, и рассудит, и спасет...

Но, видно, благодаря особой небесной милости объединенная община, назвавшая себя яроверами (куда благозвучней звучит, нежели «мукузины чада»), жила без особых нужд и тревог. И стойко противилась всякому вторжению любых проявлений цивилизации, будь то солдаты царской армии, миссионеры церкви либо какой-нибудь секты или (позднее) революционно настроенные братишки с ленинскими декретами в башке. Однако ведь не в полной пустыне яроверы жили. К тому же осваивать тайгу и без них нашлось немало желающих. Так что как ни прячась в глуши, как ни гони от себя непотребную цивилизацию, а все выходило, что придется с цивилизацией смириться. В двухстах верстах от поселения яроверов сначала был заложен, а потом и вырос небольшой, но энергичный городок Щедрый. Городок Щедрый со временем обзавелся пригородами, поселками, деревнями, население его уже всерьез тревожило таежный покой яроверов. Старейшины общины тогда даже стали подумывать о том, уж не дать ли настырным соседям огненного вразумления, но тут было новое знамение. В общину снизошла с небес неизменно прекрасная серебряноглазая дева Фарида и повелела соблюдать мир и терпимость. Только один завет положила пламенная дева: никоим образом не допускать в общину тех, кто верит в распятого и носит на своем теле крест... Уж этот-то завет соблюсти было легко, решили общинники. И так оно и было до поры до времени...

До той самой поры, пока в семье яроверов Потаповых не родилось страшное и непотребное чадо.

Беда-то была в чем. Сорокалетняя Руфа Потапова, огнелюдница в зном поколении, доселе благополучно родившая в разные годы мужу двух сыновей и дочку, неожиданно вновь оказалась в тягости. Старшие ее дети выросли на радость и загляденье всей общине – в них зримо проявлялась древняя огненная сила, а значит, лежало на чадах благословение Дочери-Творца. Сынки Руфы безо всяких спичек взглядом могли запалить хороший костер, ладонями высушивали и выглаживали мокрое белье – никакого утюга не надо (кстати, об утюгах и прочей технике: яроверы ее не принимали. В их большой деревне под названием Огнево не было также и электричества. Зачем оно им, когда многие из жителей своими глазами могли освещать дом не хуже стоваттной лампы). Словом, такие дети – радость и гордость матери. А дочка и вовсе чудесная получилась – как распознала то старейшина Деревни мать Фламия, у девочки была редкая способность не только исторгать из себя пламя, как обычное, так и невестественное, но и забирать в себя всякое пламя извне. Случись пожар, девочка погасила бы его, втянув в себя огонь, как улитка втягивает в голову свои рожки...

И вот Руфа забеременела вновь. Это было неожиданностью и для нее, и для мужа Маркела Потапова – человека не местного, приезжего из щедровского совхоза Кривая Мольда. Был Маркел когда-то первый парень в родном совхозе, сильный, бесстрашный, Ухватистый. В Кривой Мольде не одна девка сохла по нему и выплакивала глаза – равнодушен был Маркел к совхозным красавицам с их формами кустодиевских натурщиц, все ждал какую-то девушку неземной прелести... Вот и науськали Маркела друзья – идти в тайгу к таинственной деревне Огнево. Мол, может, в этой как раз деревне и живет Маркелова зазноба. А Маркел и впрямь решился: получил в совхозе расчет, попрощался с родителями да сверстниками, собрал рюкзак и ушел в глухомань. И не вернулся.

Искать Маркела не спешили – дело было опять-таки зимой, в тайге лютовали не только волки, но и, по слухам, появились тигры... Вестей от парня тоже не было, а потому, отрывав положенное, родители стали считать сынка сгинувшим в таежных дебрях... Это ведь на Большой земле имелись вертолеты, поисковые группы, полевая рация, спасатели, а тут, где тайга и глушь, все было как в додревние времена: коль пропал человек, так уж надо положиться на волю Божию и считать его за покойника...

Однако на самом деле события сложились не столь драматично. Маркел Потапов, проплутав в тайге немислимое количество дней и уничтожив съестные припасы в своем рюкзаке, буквально чудом попал-таки в тайную деревню. К тому времени Маркел и отощал здорово, и красота его потускнела, и силушки убавилось, но в деревне пришельца приняли, стали выхаживать и лечить – только не мирскими лекарствами, а своими, настоящими на неведомых травах. Особенно преуспела в деле Маркелова исцеления девушка по имени Руфь, или, как все ее звали в деревне, Руфа. И едва Маркел долечился до такой степени, что возвратилась к нему способность ценить и понимать женскую красоту, едва разглядел он терпеливую и немногословную Руфу, как тут же понял – отныне погиб он окончательно, потому что встретил-таки свою принцессу неземной красоты. Руфа, коей в пору знакомства с Маркелом едва минуло двадцать, была действительно красавицей, каких поискать. Красота ее была особой стати и породы – огнелюдовской. Руфа, как и прочие здешние девы и жены, отличалась царственной стройностью стана, божественной соразмерностью фигуры и лицом, словно сошедшим с полотен древних мастеров... Кожа девушки была словно атласной и такой светлой, что в темноте светилась, как серебро. Глаза, почти прозрачные, как мартовская капель, смотрели рассудительно и мудро для столь молодых лет. И что бы Руфа ни делала: помыла ли мыла, доила ли корову, давала ли корм двум здоровенным боровам, что вечно недовольно хрюкали в просторном хлеву... Месила ли тесто, варила ли щи, стирала ли в большом деревянном корыте... Так вот, все, что ни делала Руфа, делала она все с той же царственной осанкой и поступью, без суеты, без капризов, без присущей многим замотанным хозяйством женщинам надрывности и истеричности... Немудрено, что едва Маркел почуял в себе прежнюю силу, как незамедлительно предложил красавице Руфе стать его женой. Почему женой, а не просто подружкой-полюбовницей? Да все просто: и помыслить не мог Маркел, чтоб такая девушка, как Руфа, согласилась на что-то, кроме полноценного и законного брака.

– Хорошо, я выйду за тебя, – спокойно согласилась Руфа. – Ты мне, Марик, тоже глянулся... Только одно условие. Обещай соблюсти. Брак заключать по нашей вере будем, по деревенской.

– Да не вопрос! – отмахнулся Маркел, любуясь атласной кожей своей избранницы и предвкушая грядущие вскорости за свадьбой наслаждения. – Погоди... Это что же, в город не поедем, расписываться в загсе не будем?

Впервые тут увидел Маркел, как исказилось брезгливой гримасой лицо его будущей супруги.

– Если и впрямь хочешь стать моим мужем, Маркел, – раздельно и веско сказала Руфа, – то забудь не то что про город с его порядками, а и про весь мир, что за стенами нашей деревни.

– Это что же? – удивился Маркел. – Вы вроде старообрядцев каких получаете? Затворников? Да на дворе двадцатый век! Гагарин недавно летал в космос! Социализм строим!

Руфа презрительно покривила пухлую губку:

– То нас не касается. Община наша живет своим укладом. И с внешним миром не знается, потому что внешний мир весь погряз в грехе и почитает неправильных богов...

Маркел слушал это разинув рот.

– Впрочем, – спохватилась Руфа, – про то, каких богов надо почитать, а каких – нет, тебе еще знать не положено. Потому что ты не член общины нашей. Я тебя не неволю, Маркел. И от слова своего ты еще можешь отказаться. Подумай. Мы выведем тебя своими тропами к мирским жилищам, но обратно в деревню нашу ты дороги не найдешь. И про меня тебе забыть придется. Ничего, найдутся в вашем городе красавицы...

– Такой, как ты, не найти мне, – отрывисто сказал Маркел. – Черт с ним, с городом, с совхозом. Остаюсь с тобой, в деревне. Только вот что... Я атеист.

– Это как понять? – поморщилась Руфа. – Пороком тайным страдаешь или дурной болезнью болел?

– Тыфу на тебя! – вспыхнул Маркел. – Атеист – это тот, кто не верит в богов всяких, вот я о чем... А вы, я вижу, тут все уж очень верующие.

– Да, мы верующие, – сказала Руфа. – А коли ты с нами жить остаешься, то и сам скоро верующим станешь.

– Агитировать будете... – непонятно сказал Маркел.

– В наших богов нельзя не верить, – непонятно же ответила и Руфа.

Некоторое время спустя после означенного теологического диспута Маркел и Руфа сочтались браком по местному огнелюдскому обычаю. И с этого момента, как стал Маркел окончательно «своим» в деревне, стали открываться ему сокровенные тайны яроверов. Да и о жене своей узнал Маркел такое, что не снилось ни одному популярному в то время научно-техническому журналу: при желании либо хозяйственной необходимости Руфа ребром ладони, раскаленным почище паяльника, резала металлические листы вполпальца толщиной. Одним дуновением могла запалить костер либо растопить печь. А воду для стирки грела, просто опустив руку в двухведерную бадью – была наподобие жуткого невозможного кипятильника... И с тех пор как впервые столкнулся с таким феноменом Маркел, с тех пор как узнал, какими на самом деле являются жители деревни Огнево, характер его, доселе веселый, гордый и даже настырный, сильно изменился. Словно подменили Маркела Потапова – из бойкого парня превратился он в тихоню, жениного подкаблучника... И, как заметил, как понял постепенно из всего образа жизни деревни Огнево, многие мужики вроде него были беспримерно тихими, покладистыми и до жути боялись своих огненно одаренных жен. Нет, не то чтобы огнелюдовские бабы мужчин своих как-то третировали или запугивали. И хоть в таких семьях никогда не случалось скандалов, никогда мужчина не чувствовал себя главой и хозяином. Да и дети, рождавшиеся от браков человека и пламенги, тянулись больше к матери, нежели к отцу, и имели в натуре своей больше материнских качеств.

Так было и с первыми тремя детьми Потаповых. Маркел не возражал – его и самого, в глубине души, не тянуло к этим «неправильным» детям. Тот ртутно-прозрачный блеск глаз, что сперва заворожил его в красавице Руфи, теперь – в собственных детях – внушал безотчетный страх и даже отвращение. Будь то другая деревня, Маркел бы запил, потому что не может даже самый крепкий человек жить в постоянном и предельном напряжении души. Но в Огневе не водилось ничего спиртного, строгая община яроверов почитала абсолютную трезвость добродетелью, угодной Дочери-Творцу. Не было в Огневе и шумных, разудалых праздников – во-первых, потому что жили огневцы по своему, отличному от светского, календарю, и, во-вторых, ни свадьбы, ни дни рождения не обставлялись у них хоть малой торжественностью...

Но речь сейчас не о том. Итак, в семействе Потаповых выросло трое чад, и тут выяснилось, что Руфа опять в тягости. Она отнеслась к своей поздней беременности спокойно, но Маркел, в отличие от нее, вдруг принял все это слишком близко к сердцу. А именно: он решил, что всю беременность Руфа должна проходить не под присмотром местных бабок, а под присмотром квалифицированных городских врачей, да и ребенка будет рожать не в избе, а в специальной родильной палате, как то положено цивилизованным женщинам. Может быть, лелеял Маркел тайную надежду, что новый ребенок, родись он в условиях, в которых рождаются все дети, будет обычным, нормальным, а не маленьким чудовищем, подобно дракону исторгающим пламя.

– Повезу тебя в город, – сказал Маркел жене. Она посмотрела на него прозрачными глазами:

– Обычаев не знаешь?

– Довольно с меня ваших обычаев, – отрезал Маркел. – Всю жизнь я тебе волю давал. А теперь будет по-моему.

Руфа на это ничего не сказала, словно считала ниже своего пламенгиного достоинства вступать в пререкания с мужем-человеком. Ее почти взрослые дети молча наблюдали за тем, как мать собирает в дорогу немудреные пожитки (в Огневе жили бедно, скудно, но свято – только тем, что сами пряли или шили, пользовались, ничего из «мира» не приносили). Наконец, дочь сказала матери:

– Это к худу, мама. Не ездь с ним.

(Маркел как раз вышел из избы, так что разговора не слышал.)

Руфа молчала. Дочь продолжила:

– Мне сон приснился: если выйти за ворота деревни нашей, то сразу наступит гибель. Мама, не ездь. Разве ты здесь не родишь? Или ты отцу потакать вздумала?! Так ведь он всего лишь человек!

– Язык придержи, – посоветовала дочке Руфа. – Потому и поеду с ним, что он человек. И ему надо на свое племя поглядеть. После этого он, чаю я, пуще нашу жизнь и нашу веру полюбит...

Так вот и собрались Руфа и Маркел Потаповы, оставили дом и хозяйство на детей и поехали в город. Ехали верхом, другого транспорта, кроме лошадей, в Огневе не было, пробирались одним им ведомыми тропами и наконец прибыли в совхоз Кривая Мольда – на родину Маркела.

Сказать, что своим появлением в совхозе они произвели нечто вроде взрыва – значит ничего не сказать. Как же, из глухой тайги явилось семейство, глава которого – человек, давно считавшийся погибшим! Мало того, эти люди – жители той самой таинственной, до которой никому нет ходу, деревни Огнево! И самая главная сенсация – приехали таежные дикари в цивилизацию не просто так, а ради святого дела деторождения.

Об этом немедленно раструбил в местной прессе молодой да ранний журналист Акашкин, по счастливой случайности находившийся в совхозе на момент прибытия туда Потаповых. Пожалуй, прибудь в район Кривой Мольды инопланетное летающее блюдце, и то информационная эйфория не была бы такой мощной. Журналист даже ухитрился взять у Маркела интервью. Это интервью тоже напечатали и выяснили из него, что «наши таежные соседи» явились с целью сдать на милость городского родильного дома имени Инессы Арманд.

В роддоме тоже, конечно, ахнули. Доселе не появлялись в контингенте беременных женщины из овечьих нехорошими легендами глухомани. Плюс к тому у Руфы, в отличие от Маркела, не было ни паспорта, ни вообще каких бы то ни было документов. Но на эту бюрократическую препону решили закрыть глаза и положили Руфу на сохранение с огромным количеством обследований и анализов – словно и впрямь она была марсианка, а не простая (на первый взгляд) женщина...

Беременность Руфи протекала спокойно, без особых осложнений, если не считать тяжелого характера и моральной подавленности самой беременной. Она старалась избегать положенных ей процедур, ела только то, что приносил ей Маркел, и часто сидела у окна, глядя в одну точку пугающе-серебряным взглядом. Она не уставала повторять, что, кабы не воля мужа, она сроду не оказалась бы на чужой земле, в больнице, где все не так, не по-людски, точнее, не по-яровверски. Мирных же бесед ни с персоналом, ни с будущими роженицами Руфа тоже не вела, держалась особняком и с какой-то непонятной надменностью, будто принцесса в изгнании. Разговаривала только с мужем – в короткие минуты его визитов – и постоянно укоряла его за то, что вывез он ее из родной деревни и быть теперь беде. Но Маркел был тверд. Он в совхозе Кривая Мильда на время беременности жены устроился механизатором, снял комнату у старухи, которая помнила его еще пацаненком, и ждал того момента, когда Руфа разрешится от бремени.

Когда же момент этот настал, выяснилось, что роды будут сложными и тяжелыми – плод был непомерно большим. Врачи решили не мучить роженицу и делать операцию. Руфа противилась и, задыхаясь от боли, вопила, что все равно будет рожать сама, поскольку таковы обычаи их общины... Ей дали наркоз, но все врачи, находящиеся на этой фантастической операции, уверяли, что им все время казалось, что эта «сумасшедшая роженица» вот-вот очнется от наркоза и спрыгнет со стола...

Операцию провели с поистине филигранной точностью и четкостью. Но когда на свет божий наконец появился ребенок...

– Господи, – сказала акушерка, – это же сиамские близнецы!

Определение было абсолютно верным. Две девочки-младенца, сросшиеся бедрами, натужно заревели, словно проклиная свою несчастливую звезду, угораздившую их родиться такими, а заодно и предчувствуя судьбу, которая будет к ним немилостива.

– Но вообще-то они крепкие, – сказала акушерка. – И вон как орут! Выживут. А потом можно будет сделать операцию по разделению... Так, Ольга Юрьевна?

Ольга Юрьевна, врач, проводившая операцию, ничего не ответила. Потому что она смотрела на лицо роженицы с красивым именем Руфь. Лицо Руфи было совершенно серебряным.

– Мы теряем ее, – прошептала Ольга Юрьевна. – Она умирает!

Тут же, препоручив сиамских близнецов специалистам, бригада врачей принялась вытаскивать с того света роженицу. Но лицо ее так и осталось серебряно-восковым, и на экране кардиомонитора с противным гудением светилась ровная зеленая линия...

– Как мы об этом отцу скажем? – прошептала Ольга Юрьевна...

Но отцу не пришлось ничего говорить. Маркел Потапов так никогда и не узнал о том, что у него родились уроды, а жена умерла на родильном столе. Потому что аккуратно в день родов (дождливый июньский день) Маркел отправился зачем-то в поле. И там в него со снайперской точностью угодила молния (единственная молния за все лето!), оставив новорожденных близнецов круглыми сиротами...

И еще вот что интересно. Дней через десять после описанных событий в роддом заявила женщина и предъявила документы на имя Хорошевой Фарида Ивановны, родной сестры покойной Руфы. Она выслушала от врачей историю рождения сиамских близнецов и историю смерти их родителей, а потом заявила, что забирает детей себе. Противиться тому не стали – выглядела Фарида Ивановна так царственно и недоступно, что о формальностях типа справок и разрешений на усыновление персонал больницы решил не вспоминать. К тому же кому нужны были эти дети-уродцы, да еще в разгар перестройки, когда рушились привычные системы мира и социального благополучия.

Фарида Ивановна взяла закутанных в казенное одеяльце близнецов и посмотрела на выдававшую их ей медсестру прозрачно-серебряным взглядом:

– Где похоронили их мать?

– Отца за Желтым мысом схоронили, на старом кладбище... – ответила медсестра.

– Я спрашиваю про мать, – голосом, от которого делалось неуютно, повторила Фарида Ивановна.

– Так ведь кремировали ее. В больничном крематории, – зачастила медсестра, и сердце отчего-то у нее зацокало, будто конь бил копытом о серебряную мостовую. – Ведь у нее здесь нет никаких родственников, а с деревней ихней как связаться, нету ни телефона, ни почты... А урну с прахом в могиле мужа похоронили, там же, на старом кладбище за Желтым мысом...

Близнецы в руках Фариды Ивановны тихо заскулили, открыли глаза, похожие на тусклые серебристые рыбы чешуйки...

– Спасибо, – сказала Фарида Ивановна. Больше ее никто никогда не видел. Во всяком случае, в городе Щедром. И о сиамских близнецах не было ни слуху ни духу... А на старом городском кладбище действительно есть могила с нищенской табличкой и надписью: «Маркел Потапов. Руфа Потапова». За ней никто не ухаживает, поэтому она густо и щедро заросла странным бурьяном – листья у него словно покрыты серебряной пылью. А еще в особенно темные ночи над этой могилой можно увидеть неяркое ровное и бесшумное пламя, которое ничего не сжигает вокруг. Правда, последний факт сомнителен, потому что упомянутое пламя видел алкоголик города Щедрого Мотя Плотвин – а ему, из-за белой горячки, пламя уже повсюду мерещилось...

А в общине яроверов объявили сорокадневное покаяние. Потому что не сумели удержать в стенах своих Тайну. Потому что нарушили завет своей богини. И потому, что отныне оставшиеся дети исчезнувших Маркела и Руфы Потаповых почитались сиротами, лишенными доброго наследства и доброй же славы.

Глава третья

INERS NEGOTIUM³

Дарья Белинская провела бессонную ночь. Причем провела ее перед обычным компьютером (что бывало редко), а не перед магическим кристаллом (что бывало куда чаще). Магистр Рэм не подвел: в половине первого ночи Дарья получила объемное письмо, зашифрованное ее открытым ключом и открывающееся только на ее же личный пароль. Дарья мимоходом подумала, что магистр Рэм при всей романтической эксцентричности своей натуры все-таки отличается воистину нечеловеческой скaredностью – даже Интернетом он пользовался лишь ночью, когда оплата была копеечной.

Дарья ввела пароль, сняла с письма защиту, и перед ней предстали файлы под кодовым названием «Наведенная смерть». Чувствуется, что особисты логи не отличались особой фантазией. Дарья состроила гримаску: магистр Рэм явно прислал ей далеко не всю информацию, которой на данный момент располагает ложа. Несмотря на то что она его лично попросила...

Впрочем, и присланного было достаточно. Более чем. Дарья поежилась – внезапно стало прохладно – набросила поверх пеньюара большой мягкий и теплый платок из толедской шерсти и погрузилась в чтение досье.

Оно отличалось спартанской лаконичностью. По существу, это был список жертв, место и время их смерти. И больше ничего, никаких комментариев. Впрочем, в досье каждой жертвы имелась краткая биографическая справка, но Дарья понимала – справка только формальность. Справка не поможет установить истину.

Дарья читала и ежилась все больше. Ей казалось, что она не в своих покоях, а в подвале, пропитанном сыростью и гнилью.

«Валленберг Луиза Агнесса, 15 лет. Княжество Лихтенштейн, г. Вадуц. Скончалась 3 июня 2018 года.

Гончар Марина, 14 лет. Беларусь, г. Витебск. Скончалась 24 сентября 2018 года.

Доспевска Барбара, 13 лет. Болгария, г. Стара Загора. Скончалась 4 октября 2018 года.

Иевлева Галина, 15 лет. Россия, г. Калуга. Скончалась 8 марта 2019 года.

Ингфельд Сельма, 14 лет. Швеция, г. Гетеборг. Скончалась 13 ноября 2018 года.

Ишкольц Мирта, 15 лет. Венгрия, г. Дебрецен. Скончалась 5 апреля 2019 года.

Кудрявцева Светлана, 14 лет. Россия, г. Екатеринбург. Скончалась 12 декабря 2018 года.

Кулабина Анастасия, 13 лет. Россия, г. Воронеж. Скончалась 1 августа 2018 года.

Ланнерфиц Стефания, 15, 5 лет. Австрия, г. Инсбрук. Скончалась 6 сентября 2018 года.

Маковцева Зоя, 13, 5 лет. Россия, г. Щедрый. Скончалась 25 марта 2019 года.

Саанредам Ирма Луиза, 15 лет. Нидерланды, г. Утрехт. Скончалась 8 марта 2019 года.

Стишковская Агата, 15 лет. Польша, г. Гданьск. Скончалась 12 июня 2018 года.

Халгримаа Эдда, 12 лет. Исландия, г. Кефлавик. Скончалась 6 сентября 2018 года.

Шпайер Шарлотта, 15, 5 лет. Германия, г. Эссен. Скончалась 12 марта 2019 года».

Дарья перечитала список трижды. Потерла виски, встала и подошла к окну. Вгляделась в его сине-черную глубину и вздрогнула: ей показалось, что за окном стоят четырнадцать девочек в белых саванах.

– Чур меня, – привычно сказала Дарья, отскакивая от окна. – Надо взять себя в руки, иначе я ничего не смогу расследовать... Но скотина, скотина магистр Рэм! Я до последнего момента не знала, что все убитые Наведенной Смертью – дети!

---

³ Видимость занятости (лат.)

Дарья подошла к резному, инкрустированному самоцветами и перламутром буфету, который совершенно не вписывался в обстановку, до того выглядел музейно и архаично. Она не раз заявляла Хелии, что хотела бы выкинуть из своих покоев это чудовище черного дерева, но Хелия неизменно отвечала госпоже вежливым отказом. Да Дарья и сама понимала, что с буфетом не расстанется. Он был зачат своим создателем – могущественным толедским колдуном Карло Маггиоре, – зачат хранить и не выдавать непосвященным любую тайну, которую ему доверят, любое сокровище, любое существо, живое или мертвое, буде оно окажется в недрах буфета. Карло Маггиоре, колдун-краснодеревщик, наделил свое создание способностью не гореть в огне, не тонуть в воде и стойко выдерживать удары топора либо осадного тарана... И, как повествует легенда, сам Маггиоре спасался в своем буфете от преследований инквизиции. Правда, в глубокой старости колдуна поразило безумие, и он свел счеты с жизнью, опять-таки замуровавшись в буфете. Где и пребывал до сих пор, чем сильно раздражал Дарью: в присутствии скелета мужчины было как-то не совсем прилично хранить в шкафчиках буфета выпивку, потому что ничего более секретного и важного Дарье пока не доводилось прятать. Возможно, теперь ситуация изменится, когда она всерьез примется за расследование...

Итак, Дарья подошла к буфету и отперла один из шкафчиков. Достала бутылку красного толедского и тут же услышала осторожный стук из недр мебельного шедевра: это скелет мэтра Маггиоре напрашивался в собутыльники. Иногда Дарья даже позволяла ему выбраться из буфета и пропустить с нею рюмку-другую. Но сейчас девушке было не до общения с бойким скелетом. Она сказала по-испански:

– Мэтр Маггиоре, в другой раз. Я и сама собираюсь выпить лишь символически. У меня большие проблемы, мэтр.

Средневековый скелет колдуна-краснодеревщика благодаря длительному общению с Дарьей уже знал, что означает слово «проблемы», поэтому ограничился лишь ободряющим стуком и более не претендовал на бокал толедского.

А Дарье и самой, едва она вспомнила, что за работа ее ожидает, пить расхотелось. Она поставила бутылку в шкафчик, захлопнула дверцу и вздохнула. Вернулась к компьютеру. Список девочек, убитых при помощи колдовской Наведенной Смерти, смотрел на Дарью Белинскую с экрана.

– Итак, – сказала Дарья. – Что мы имеем? Фраза эта, да еще произнесенная в тишине собственной комнаты, показалась ей донельзя глупой. И Дарья поняла – почему. Она столкнулась с тем, что было слишком для нее страшно. За три года, что ей пришлось занимать пост Госпожи Ведьм, Дарья Белинская, конечно, повидала всякого. Несколько раз на нее совершались покушения. Трижды ей приходилось принимать участие в ритуалах, одно воспоминание о которых наполняло душу леденящим ужасом. Близкий друг Дарьи (не Рэм Теден, разумеется) был аниматором, и ей нередко случалось быть свидетельницей его работы... Но оказалось – страшней всего вот этот список. И все, что с ним связано. Госпожа Ведьм уже жалела, что взяла на себя такую работу... – Ты должна, – сказала себе Дарья. – Ты дала слово. Слово ведьмы.

Она заставила себя успокоиться и теперь новыми, холодно-рассудительными глазами смотрела на список.

«Анализировать», – отдала она приказ компьютеру и через несколько минут созерцала результат машинного анализа. Машина не чувствует, что за каждой строчкой стоит человек, когда-то живший, радующийся жизни и радовавший других. Машина просто выполняет приказ...

«Анализ по категории „Время“. В 2018 году устранено девять человеко-позиций:

Валленберг Луиза Агнесса, 3 июня

Гончар Марина, 24 сентября

Доспевска Барбара, 4 октября

Ингефельд Сельма, 13 ноября

Кудрявцева Светлана, 12 декабря
Кулабина Анастасия, 1 августа
Ланнерфиц Стефания, 6 сентября
Стишковская Агата, 12 июня
Халгримаа Эдда, 6 сентября

Соответственно, наибольшая активность устранения человеко-позиций приходится на сентябрь 2018 гола (три позиции). При этом две человеко-позиции (Ланнерфиц Стефания и Халгримаа Эдда) устранены в один и тот же день.

В 2019 году устранено пять человеко-позиций:

Иевлева Галина, 8 марта
Ишкольц Мирта, 5 апреля
Маковцева Зося, 25 марта
Саанредам Ирма Луиза, 8 марта
Шпайер Шарлотта, 12 марта

Соответственно, наибольшая активность устранения приходится на март 2019 года (четыре человеко-позиции), при этом две человеко-позиции (Иевлева Галина и Саанредам Ирма Луиза) устранены в один и тот же день.

Анализ по категории «Место». Все человеко-позиции устранены в странах Европы...»

– Это я и без тебя поняла, – буркнула Дарья. – Приостановить анализ.

«Выполнено».

Госпожа Ведьм тоскливыми глазами смотрела на экран.

– Святая Вальпурга, с чего мне начинать? – сказала она. – С того, что Наведенная Смерть настигала свои жертвы в один и тот же день, хотя эти жертвы находились в разных странах? Или с того, что в прошлом году было убито восемь девочек, а в этом – только пять. Но год едва начался, у убийцы все впереди, жертв может быть и не восемь, а больше, гораздо больше, если не остановить его... Стоп. Почему я думаю об убийце как о существе? Реально, для своих близких и знакомых, эти девочки покончили с собой. А на самом деле на них навели смерть. Кто навел? Нет, я правильно думаю об убийце – тот, кто в совершенстве владеет магией Наведенной Смерти, и есть убийца! Но для чего он (или она?) устранял именно девочек с таким маниакальным упорством?! Маниакальным? Маг-маньяк, наводящий смерть на девочек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет? Откуда? Почему? Зачем?..

– Ты стала разговаривать сама с собой, госпожа, – Дарья услышала за своей спиной голос, дернулась и немедленно занавесила компьютерные расчеты пестрым скринсейвером. Неторопливо обернулась.

На диване сидел в эффектной позе мужчина, в котором только наметанный глаз ведьмы сумел бы распознать не человека, а инкуба. Мужчина выглядел великолепным брюнетом с сапфирно-голубыми глазами, расстегнутая белоснежная рубашка с пышным воротником и манжетами открывала взору смуглую мускулистую грудь, черные бархатные штаны обтягивали ноги и плавно перетекали в кроваво-красного цвета ботфорты. В правой руке мужчина держал чересчур блестящую рапиру, рассеянно чертя ее острым концом какие-то узоры над высоким ворсом ковра.

– Потрясающе выглядишь, – сказала Дарья инкубу и постаралась не краснеть. – Но с какой стати ты явился? Я тебя не вызывала.

– Моя дорогая Дарь, уже три полнолуния, – ответил мужчина. Голос у него состоял сплошь из шелка и бархата. – Разве это не мое время? Разве это не время пробуждения твоей страсти?

– Мне сегодня не до страсти. – Дарья все-таки не покраснела, хотя ей мгновенно припомнились все те ночные развлечения, в которых сидящий перед нею инкуб принимал самое

непосредственное и активное участие. – Во-первых, я чертовски устала, а во-вторых, у меня большие проблемы.

Дарья поймала себя на том, что уже второму существу говорит про свои проблемы. Первым был скелет мэтра Маггиоре, с которым Дарья отказалась выпить. Теперь вот инкуб, с которым она отказывается предаться привычному сладострастью. Должность Госпожи Ведьм, поначалу сделавшая Дарью легкомысленной в некоторых вопросах, теперь, похоже, в этих же вопросах доводит девушку до крайней степени аскетизма.

– Ты не хочешь меня, – мгновенно расстроился инкуб.

– Мне просто не до этого, повторяю, отстань. – С инкубом Дарья никогда не церемонилась. В постели он, конечно, превосходил всякого человека, но все равно при этом оставался инкубом, существом, не стоящим уважения, привязанности и тем более любви.

Инкуб сник. Потом снова взглянул на Дарью с надеждой:

– А хочешь, я просто побуду твоей подругой-собеседницей? Ты поделишься со мной своими проблемами, тебе станет легче... И потом, может быть, тебе захочется попробовать любви с женщиной...

Дарья не смогла сдержать усмешки: инкуб на ее глазах менял пол и становился суккубом. Сейчас перед Дарьей сидела красавица-брюнетка, прежняя белая рубашка открывала теперь все прелести роскошного бюста, а длинные ноги в бархатных брюках и ботфортах могли свести с ума любого мужчину. И даже женщину. Но только не Дарью. Она утомленно помотала головой:

– Прекрати эти глупости. Болтать с тобой мне тоже некогда. Кроме того, о том, чем я сейчас занимаюсь, лучше никому не знать.

– Даже мне? – Суккуб обиженно захлопала пышными ресницами.

– Тем более тебе. Извини.

– А может быть, все-таки?..

– Я сказала, нет. Исчезни. Кстати, зачем ты таскаешь с собой рапиру? Уроки фехтования я все равно беру не у тебя.

– Просто так.

– Дурака валяешь.

– Дорогая Дарь. – Суккуб вновь стала инкубом, и мужчина-красавец умоляюще посмотрел на нее. – Прошу тебя, передумай насчет сегодняшней ночи... Ты мне так нужна!

– А в чем дело? Впрочем, понятно: Сила на исходе?

– Да, мне нужно подпитаться... Ты же знаешь: доставленное тебе удовольствие продлевает безбедное существование моего плотского образа.

Инкуб смотрел на девушку очень страстно и жалобно. У него это здорово получалось. У человека бы так не вышло.

– Вальпурга с тобой. – Дарья опустилась рядом на диван, позволила инкубу развязать ленты ее пеньюара. – Только не вздумай кому-нибудь из вашей братии ляпнуть, что я занималась с тобой сексом на благотворительной основе, чтоб своим оргазмом поддержать твое существование.

– Не ляпну, – выдохнул уже вошедший в страстный раж инкуб. – ... Развлечения с инкубом хороши еще и тем, что после них мгновенно засыпаешь, как после дозы хорошего снотворного. И спишь, не беспокоясь насчет кошмаров. Вот только пробуждение...

– Госпожа, уже половина восьмого, пора вставать. Госпожа, уже половина восьмого, пора вставать. Госпожа, уже...

– Встаю, – простонала Дарья, отклеиваясь от дивана и выпутываясь из цепких объятий простыней, как Венера – из пены морской. Хотя нет, Венере было комфортнее, сумела женщина устроиться, не то что некоторые ведьмы.

Будильник, сделавший свое черное дело, замолк, но из его механических недр выглядывал маленький служебный дух, готовый, в случае если Дарья снова повалится спать, завести побудительную волюнку.

– Я же сказала: встаю! – рыкнула Дарья на служебного духа и в подтверждение своих слов поднялась с дивана. Вспомнила последние события прошедшей ночи, поморщилась – инкуб, похоже, здорово поживился ее энергией за счет доставленного удовольствия. И исчез, мерзавец. Настоящий мужчина-человек, глядишь, кофе бы ей в постель принес. Или – лучше – стакан персикового сока с мякотью...

Отбросив в сторону свои нелепые утренние мечты, Дарья прошла в ванную. Покуда она приводила себя в порядок, служебный дух из будильника не давал покоя: висел рядом в воздухе и напоминал:

– Госпожа, пожалуйста, поторопитесь: сегодня в половине десятого утра у вас назначена официальная встреча...

– Я успею, – отмахивалась отдуха Дарья, окончательно изгоняя из организма остатки сна. Сон ушел, но осталось некое смутное беспокойство, словно вчера начала делать нечто важное и не довела начатое до конца... И тут Дарья вспомнила: список жертв Наведенной Смерти... Она так и не разобралась, что к чему...

Дарья кое-как вытерлась и, завернувшись в купальный халат, подошла к компьютеру. Оказалось, что тот завис. Дарья выругала себя: ведь прекрасно знает, что компьютер в присутствии инкуба почему-то виснет, значит, надо технику отключать. И вот опять забыла. Растяпа, а не Госпожа Ведьм.

Дарья нажала кнопку перезагрузки. Хотела добавить при этом заклинание, помогающее любой технике работать со стопроцентной мощностью, но передумала. Если даже компьютер оживлять при помощи магии, на что он тогда вообще годится? Только пасьянсы раскладывать.

Компьютер доложил о том, что готов к дальнейшей работе. Дарья присела в кресло, открыла свою папку, в которой вчера просматривала полученные от Рэма материалы по Наведенной Смерти. Открыла и ахнула. Все материалы исчезли. Все до единого, включая список жертв.

– Святая Вальпурга, этого не может быть! – пробормотала Дарья. – Любые материалы, попадающие в эту папку, получают статус особой важности и автоматически сохраняются в памяти... Что за чертовщина? Они не могли исчезнуть! Если только их не удалили, пока я спала... Но кто мог это сделать?

Дарья отлично понимала, что никакого случайного посетителя в ее покоях в эту ночь быть не могло. Случайного посетителя не пропустит охранная магия, задержат и, если надо, прикончат охранники-оборотни... Кроме того, компьютер настроен исключительно на Дарью – сенсорная клавиатура откликалась только на ее отпечатки пальцев, мышь начинала работать, распознавая особые линии на руке Госпожи Ведьм, да и вообще – запускалась машина и выполняла команды только с ее голоса. Единственный недостаток – компьютер почему-то всегда зависал в присутствии инкуба. Всегда. Потому Дарья поначалу не обратила внимания на эту мелочь. А сейчас... Мог инкуб, пока она спала, взлезть в ее машину и стереть нужные файлы? Теоретически – да, но на практике это неосуществимо!

– Госпожа, вам необходимо одеться для деловой встречи. В девять тридцать вы завтракаете с представителем...

– Отстань! – рявкнула Дарья на служебного духа. – Знаю! Пшел вон!

Не паниковать, приказала она себе. Исчезновение данных из ее компьютера еще ничего не значит. Главное, что они есть в ложе, у Рэма. И хотя Дарья уже мысленно представила себе все унижение, через которое ей придется пройти, выпрашивая магистра Рэма отправить ей еще одно письмо, делать было нечего. Поклониться – спина не переломится... Придется вызывать магистра Тедена через кристалл. И сделать это надо прямо сейчас...

Словно вторя мыслям Госпожи Ведьм, кристалл заиграл мелодию, возвещающую о том, что с Дарьей кто-то немедленно жаждет связаться.

Дарья подскочила к кристаллу, сняла с него покрывало.

– Статус? – спросила она, сердцем чуя нехорошее.

– Приоритетный, – ответил кристалл. Статусом приоритетного собеседника обладало не так уж много народу: Марья Белинская, сестра Госпожи Ведьм, далее Президент Всемирной Ассоциации вампиров (с ним Дарья никогда не ссорилась, равно как и с Ассоциацией), один друг-аниматор и, разумеется, магистр Рэм Теден, действительный статус-квотер Ложи Магистриан-магов. Кто же из всех перечисленных решился побеспокоить Госпожу Ведьм в столь неподходящий час?!

Кристалл осветился изнутри и стал похож на спелый персик. Дарья отмахнулась от этого неподходящего сравнения – в последнее время ей страшно хотелось персиков – видимо, во всем был виноват опять-таки треклятый авитаминоз, не щадящий ни среднестатистического человека, ни великую ведьму.

Свет в кристалле унялся, и теперь из него на Дарью смотрело лицо человека, вопрошавшего ее вчера, не устала ли она нести тяготы своей должности.

– Рэм?! – удивилась Дарья.

– Да, это я, – отрывисто сказал магистр. – Благословенна будь, Дарья.

– Шлю свои приветствия великому...

– Давай без церемоний. Некогда. – Рэм даже сквозь искажающее поле магического кристалла просматривался очень отчетливо. И выглядел магистр, как отметила Дарья, исключительно мрачным.

– Что случилось, Рэм? – Дарья пока решила попридержать свою несимпатичную новость.

– Дарья, – спросил магистр Рэм. – Я хотел узнать... Материалы по делу «Наведенная смерть»... они у тебя целы? Не исчезли? Я понимаю, конечно, это глупый вопрос, но...

– Как ты догадался? – напряженным голосом поинтересовалась Дарья. – Или... Ты не догадывался, магистр, просто...

– Да. Сегодня ночью была взломана база данных ложи. Все материалы по делу «Наведенная смерть» – все, слышишь Дарья, а не только те, которые я тебе прислал, – исчезли. Испарились. Просто как по волшебству! – Магистр Рэм нервно дернул точеным подбородком. – Волшебство здесь, конечно, ни при чем, – сказал он. – Это могут быть хакеры из людей...

– Не могут, – ответила Дарья. – Мой компьютер защищен от незаконного человеческого доступа. Защищен именно чарами. Их обошли. Рэм, а разве вы свою базу заклинаниями не оплетали?

Магистр Рэм, маг второй ступени Посвящения, только хмыкнул:

– В последнее время ложа все больше полагается на технику, а не на магию, как ни странно это звучит. Дарья, значит, твои материалы тоже пропали. Да?

– Да. Скорее всего, пока я... спала.

– Спала или трахалась с инкубом?

– Пока спала! – возвысила голос Дарья. Среди магов и ведьм не почиталось дурным тоном пользоваться интимными услугами инкубов и суккубов. Но вот вслух упоминать об этом в обществе являлось верхом неприличия. Считалось, что это равнозначно тому, как если бы в среде людей кто-то сказал, что нормальной жене предпочитает виртуальную любовницу или голографический бордель...

– Извини...

– Я проснулась, а компьютер – в глубокой коме. Завис! Перезагрузила, и выяснилось, что все по «Наведенной смерти» исчезло. Я надеялась, что смогу снова получить от тебя пакет этих материалов, Рэм...

– А я надеялся на тебя. На то, что у тебя сохранилось хоть что-то. И будем реально смотреть на вещи, наши надежды не оправдались.

И тут Дарья задала жестокий вопрос:

– Рэм, в ложе за это расследование отвечал ты?

– Да.

– Чем тебе грозит пропажа материалов?

– Сама не можешь догадаться, Дашка? Это даже не скандал, не должностные разборки. Меня не сместят с поста, меня просто физически ликвидируют в самое ближайшее время.

– Святая Вальпурга! Рэм, неужели расследование «Наведенная смерть» так много значит для вашей логи?

– Само расследование – вряд ли. Тем более что от имени ведьм за него взялась ты и теперь на тебя можно вешать всех собак и валить всю ответственность за провал еще не начавшегося дела.

– Мерси.

– Ты сама понимаешь, это правда. А что касается меня... Дашка, с тех пор как я поднялся на вторую ступень посвящения, а потом, после исчезновения великого основателя логи, статус-квотера Танаделя, занял руководящее кресло, потеснив более опытных, старых и тщеславных, ко мне враждебен даже воздух. Несколько лет уже я живу в аду своего высокого положения. И любой промах, любая, самая незначительная, ошибка могут стоить мне не только поста статус-квотера, но и самой жизни. Это, видимо, тебе легко играть роль Госпожи Ведьм, Дашка...

– Нелегко, Рэм. Послушай, я никогда не думала, что ты... Сколько тебе лет, Рэм?

– Девятнадцать с небольшим. Мы почти ровесники, Дашка. Когда исчез монсеньор Танадель, я был совсем мальчишкой, хотя и был его лучшим учеником. Он исчез, не оставив ни завещания, ни указаний на преемника. Но, повторяю, я был его лучшим учеником. И кроме того, сумел доказать, что могу занимать должность статус-квотера... А теперь...

– Рэм, я никогда не понимала, что означает эта должность статус-квотер, – бесцветным голосом произнесла Дашка, старательно глуша в себе жалость к юноше, чье лицо она видела только в глубинах магического кристалла.

– А, это. Все просто. От латинского «status quo» – «существующее положение». Статус-квотеры логи должны обеспечивать высокое положение магии в мире. Хранить, так сказать, приумножать. А если магия выйдет из-под контроля, как в деле «Наведенная смерть», – мудро пресекать.

– Понятно. Рэм, твое руководство еще не знает о случившемся?

– Мое руководство – это я сам, Дашка. Не знает штат, эти шавки, готовые вцепиться в меня и растерзать при первой же возможности... Но они узнают, я не смогу делать вид...

– Сможешь. – Что?

– Сможешь делать вид. Столько, сколько нужно. Рэм, кажется, я знаю, как можно вернуть хотя бы часть информации по «Наведенной смерти». И я попытаюсь это сделать. Поверь мне.

– Верю. Это ради меня? Или ради себя? Ради того, чтобы не уронить светлого имени Госпожи Ведьм, взявшей на себя слово чести?

Дарья на миг прикрыла глаза. И словно окунулась в черноту минувшей ночи, где из окна на нее смотрели четырнадцать девочек в погребальных саванах. Она не успела запомнить их имен. Но у нее есть шанс...

– Не ради тебя, Рэм, и не ради меня, – спокойно сказала Дарья. – Ради тех, кто был убит. И ради тех, кого еще поджидает Наведенная Смерть. Я должна это остановить.

Рэм заметно посветлел лицом.

– Как ты предполагаешь это сделать? – поинтересовался он.

– У нас, у ведьм, свои секреты, – отрезала Дарья. – Тебе расскажи – захочешь пол поменять, чтобы стать ведьмой.

Рэм тонко улыбнулся, оценивая шутку. Разговоры о специфике мужской и женской магии давно и бесплодно муссировались в Общей Ведьмовской Сети, иногда доводя сторонников того или иного вида Ремесла до белого каления.

– Ты обещаешь мне? – спросил Рэм.

– Да. Только старайся, чтобы твои подчиненные ничего не пронюхали.

– Обижаешь. Благодарю тебя, ведьма.

– Пока не за что, маг.

– Знаешь, если ты действительно сумеешь восстановить утраченное и спасти мою репутацию, я буду твоим вечным должником, – сказал магистр Рэм.

– Сочтемся, – серьезно ответила Дарья. – Ты на мне за это женишься.

– Святой Руфус, да я готов хоть сейчас! Мои чувства к тебе ты знаешь. Кстати, а для чего тебе вдруг понадобился муж?

– Не мне. Традиции. У Госпожи Ведьм должен быть Герцог. Заменяющий Трибунал Семи Великих Матерей Ведьм. Мне так Хелия сказала, мой секретарь. Номинальная должность.

– Ну, надеюсь, мужем-то я буду не номинальным? Я выгоню всех инкубов из твоей спальни, дорогая, и покажу тебе, что такое страсть настоящего мужчины!

– Обязательно. Но ты особенно-то не распаяйся. У меня по расписанию сегодня просмотр артефактов аж от шести женихов. Кстати, о расписании. Рэм, я завершаю связь. У меня на сегодня еще очень много дел. Но я не забуду о том, что должна спасти твою шкуру.

– Еще раз благодарю тебя, Дарья. А насчет женихов... Я все равно лучше. Сама убедишься.

– Не сомневаюсь. До связи.

– Удачного дня, ведьма.

Кристалл потух. Дарья заботливо накрыла его экранирующим покрывалом. Помахала хвостом, нечеловечески извернувши шею, осмотрела его. Хвост все равно шелушился. Питательная маска не помогла. Кошмар. С такой напряженной жизнью Дарья Белинская скоро шелушиться начнет от макушки до кончиков пальцев: каждый день – сплошной стресс и нагрузка на молодой ведьмовской организм. Оседлать бы сейчас помело да полететь в Кантабрийские горы – наслаждаться дивной испанской природой, одиночеством и отсутствием всепроникающего регламента...

– Госпожа, до вашего завтрака с представителем Движения «Ведьмы за культуру и духовность» осталось десять минут, а вы не одеты... – деликатно напомнил служебный дух.

– Спокойно, – сказала духу Дарья. – Я успею.

... Ну, вообще-то, она опоздала. На целых три с половиной минуты, за что получила удивленно-негодующий взгляд Хелии, всегда присутствовавшей на церемониальных завтраках. «Представитель» движения «Ведьмы за культуру и духовность», колдунья бесконечного балзаковского возраста, тоже посмотрела на Дарью ледовитым взглядом – Госпожа Ведьм, похоже, ни во что не ставила своих коллег по Ремеслу, раз позволяла себе опаздывать, да еще и выражаться к завтраку в светло-голубые джинсы с серебряной бахромой (а сзади в штанах – специальная прореха для хвоста, красиво, кстати, затонированного крем-пудрой и на конце украшенного кисточкой из разноцветного бисера) и какую-то куцую хламиду из бронзово-зеленого тяжелого шифона: будто завтрак – это просто завтрак, а не серьезное официальное мероприятие.

«Девчонка», – уничижительно подумала пожилая ведьма про Дарью и тут же заработала легкий, но болезненный укол в левый висок. Поморщилась, встретила взглядом с Госпожой Ведьм и поняла – уничижение не прошло безнаказанно. Девчонка, похоже, читает не только мысли, но и настроения.

– Благословенны будьте, Госпожа Ведъм, – официальным тоном произнесли Хелия и колдунья гостья.

– Благословение святой Вальпурги да пребудет с вами, – не менее официально ответила Дарья, вздернула хвост вверх и уселась на краешек подставленного ей прислугой стула. – А что у нас на завтрак, кроме доклада мистрис Гудвайф?

Мистрис Мирония Гудвайф оскорбленно дернула подбородком, но тут Хелия профессионально спасла положение, восстановив пошатнувшийся было регламент.

– Госпожа Ведъм, я взяла на себя смелость составить меню сегодняшнего завтрака. Омлет по-кастильски, сливочный сыр с пряностями, пирожки с куриным филе, круассаны, взбитые сливки, смородинный мусс и апельсиновый сок. Кофе, чай по желанию. Мистрис Гудвайф, что вам подать?

Мирония Гудвайф, прирожденная колдунья и интриганка, поняла, что надо вести себя непринужденно, и велела слуге подать ей кофе с круассанами и взбитыми сливками. Дарья же почувствовала себя необычно голодной, потому принялась за омлет, заедая его сочными пирожками. Когда она доедала пятый пирожок, то поймала укоризненный взгляд Хелии. Решила, что секретарша корит ее за неводержанность в пище, но потом поняла – официальный завтрак должен быть заполнен не только чревоугодием. Дарья допила сок и сказала:

– Мистрис Гудвайф, я вас внимательно слушаю. Тут же и Мирония Гудвайф отставила в сторону чашку. Мельком глянула на Хелию, та едва заметным кивком подтвердила, что деловая встреча началась и она, Хелия, как секретарь, занесет все мельчайшие детали этой встречи в свою уникальную память.

– Движение «Ведьмы за культуру и духовность», – заговорила мистрис Гудвайф, – ставит своей задачей создание обобщенно-положительного образа ведьмы в сознании человечества.

– Ну, этого вы уже добились, – отмахнулась Дарья. – Адепты вашего движения, насколько мне известно, маскируясь под писателей-фантастов, создают массу романов, положительно освещающих Ремесло и Ремесленниц. Я сама недавно читала одну неплохую трилогию, старую правда, но выдержавшую восемь переизданий... Пардон, я отвлеклась.

– Вы правы, Госпожа Ведъм, – сказала мистрис Гудвайф, – литература сыграла свою значительную роль в оптимизации нашего Ремесла. Кроме того, наше движение добилось серьезных успехов в популяризации основ Ремесла среди разных социальных слоев человеческого общества, а также в пересмотре взглядов некоторых религиозных конфессий на ведьмовство и магию. Но этого недостаточно.

– Вы полагаете? – подавила зевок Дарья. Мирония Гудвайф с ее популистскими идеями была скучна Госпоже Ведъм. Дарья не понимала, зачем кричать о Ремесле и ведьмах на всех перекрестках. Будто у людей нет других тем для обсуждения. Международный терроризм, к примеру. Или первое удачное клонирование человека в две тысячи семнадцатом году. Или создание мобильного телефона с признаками искусственного интеллекта. Вот это интересно. А магия... Она нужна только тем, кто ею занимается. Для человечества она не несет ни утешения, ни угрозы...

И снова Дарья провалилась в черноту, где стояли четырнадцать убитых девочек – убитых при помощи магии, чрезвычайно сильной и пока не изученной.

Значит, кому-то магия нужна?

Кому-то, кто счел ее самым лучшим оружием.

– ... реабилитация, – сказала Мирония Гудвайф. Дарья укорила себя за то, что потеряла нить рассуждений своей визави.

– Реабилитация? – переспросила она с умным видом.

– Да, Госпожа Ведъм. Наше движение предполагает выступить с петицией в ООН, чтобы человечество морально реабилитировало и более не употребляло в отрицательном значении имена знаменитых чернокнижников, магов и оккультистов прошлого.

– Вы считаете это уместным? – удивилась Дарья. – Какое дело ООН до оккультистов прошлого?

– Это очень важно, Госпожа Ведьм! – воскликнула Мирония Гудвайф. – Восстановив добрые имена древних чернокнижников и на самом высоком уровне объявив их дела значимыми для человечества, мы тем самым ликвидируем досадный разрыв между прошлым и будущим, позволим человечеству перейти на новый виток духовности и толерантности.

– Актуальненько, – бросила Дарья. – И кто же у вас в списке? На реабилитацию перед всем человечеством?

– Минутку, – кивнула мистрис Гудвайф и проделала ладонями замысловатые пассы. Перед ней в воздухе повис полупрозрачный плоский прямоугольник, по которому двигались строки алого цвета.

– Вот, – сказала мистрис Гудвайф. – Прежде всего в глазах истории и общественности необходимо реабилитировать леди Эллис Кайтлер...

– Это не она разве отравила трех своих мужей собственноручно изобретенным ядом? – поинтересовалась Дарья.

Мистрис Гудвайф игнорировала этот вопрос и продолжила:

– Реабилитировать Жилия де Лавалья, барона де Рэ...

– Синюю Бороду?! – изумилась Дарья. – Да ведь он был маньяком-педофилом и, кроме того, каннибалом. Его магия была замешена на крови! Рехнулись вы там, в своем движении! Вы еще Дракулу реабилитируйте!

– Дракулу не будем, Дракула проходит по Ассоциации вампиров, – парировала мистрис Гудвайф, – а вот трансильванскую графиню Елизавету Батори следует оправдать, поскольку она...

– Я неплохо знаю историю Ремесла, – отрезала Дарья. – Я много читала и изучала. Елизавета Батори была просто рехнувшейся садисткой, добывающей кровь из своих крестьян с целью продлить собственную молодость! Этого же добивался и Жиль де Рэ, из крови младенцев пытавшийся соорудить философский камень, камень вечности! Те, кого вы хотите обелить в глазах человечества, не имели никакого отношения к настоящему Ремеслу! Они не были колдунами и ведьмами! Они были обычными людьми-извергами, наслаждавшимися мучениями себе подобных. Кто у вас еще в списке? Русская Салтычиха? Доктор Менгеле?

– Ничего подобного, госпожа, – растерялась мистрис Гудвайф.

– Вот что, – отчеканила Дарья. – Никакой реабилитации и никаких списков. Я запрещаю вам этим заниматься, понятно?

– Наше движение независимое...

– Но финансируется из Транснационального банка Общей Ведьмовской Сети. Хотите, чтобы я приказала генеральному директору банка прекратить финансирование вашей конторы? Не хотите? Тогда оставьте в покое тех давно сгнивших в могилах подлецов и не пытайтесь запятнать их грязными именами Чистое Ремесло! Вы меня поняли, мистрис Гудвайф?

– Да, Госпожа Ведьм.

– У вас что-то еще?

– Нет, Госпожа Ведьм.

– Вы можете быть свободны. Ах, что это я... Мы ведь завтракаем. Продолжайте свой завтрак. А я сыта.

По горло.

И Дарья вышла из светлой, в андалузском стиле выдержанной столовой, оставив Гудвайф на растерзание Хелии. Дарья чувствовала себя раздраженной еще и потому, что эта дура Гудвайф задела в ее душе с недавних пор появившуюся там рану. Перечисленные Миронией Гудвайф подонки действительно не имели никакого отношения к Ремеслу. Но они имели отно-

шение к убийствам детей. А четырнадцать девочек, молчаливых, почти безликих, бледных и без вины пострадавших, преследовали Главную Ведьму снова.

Дарья отправилась в свой рабочий кабинет – тот самый строгий, выдержанный и лишенный намека на легкомыслие. Десятью минутами позже в кабинет вошла и Хелия и обнаружила Дарью сидя-шей за рабочим столом и просматривающей текущие бумаги.

– Мистрис Гудвайф покинула Дворец Ремесла в крайне подавленном настроении, – не преминула сообщить Дарье Хелия.

– Не сомневаюсь, – ответила Дарья.

– Дарья, с вами все в порядке? – осторожно поинтересовалась Хелия, выдержав положенную паузу.

– А что такое? Я отреагировала на бредовые заявления этой дуры неподобающим образом?! – подняла бровь Дарья. – Надо было захлебываться от восторга, что кучка каких-то болванов хочет дать доброе имя старым убийцам и насильникам?!

– Нет конечно, – ответила секретарша. – Я также не преминула заявить мистрис Гудвайф, что идеи их движения слишком бесчеловечно звучат, если они взялись ворошить кости проклятых мертвецов. Сомнительно, что она поняла меня. Но зато теперь она является не только вашим, Дарья, но и моим личным врагом.

– Это что-то меняет? – усмехнулась Дарья.

– Да, если вам понадобится человек, готовый вместе с вами сражаться в любом бою.

– Я... Благодарю вас, Хелия.

– Не за что, Дарья. А по поводу моего вопроса, в порядке ли вы... Мне кажется, вы слишком взволнованны и неуравновешенны в последнее время. И выглядите усталой, особенно сегодня. Могу я знать причину этого?

Дарья вспомнила про список из дела «Наведенная смерть». Про то, как он исчез из ее компьютера и из базы Ложи Магистриан-магов.

– Нет, Хелия, – покачала она головой. Добавила, чтоб не обидеть секретаршу: – Это очень личное, правда.

– Кстати, о личном, – немедленно перевела стрелки разговора Хелия. – Не забывайте, сегодня вам предстоит ознакомиться с артефактами целых шести женихов.

– Приятная перспектива, – усмехнулась Дарья.

– Но до этого будут вудуистки.

– Не слишком приятная перспектива. Кстати, Хелия, – лицо Дарьи стало непроницаемым, – я давно хотела узнать...

– Да, Дарья?

– Существует ли вероятность проникновения в базу данных Дворца Ремесла?

Хелия проницательно посмотрела на Госпожу Ведьм и спросила:

– Когда вы обнаружили, что ваш компьютер взломан, Дарья?

Глава четвертая

SIC ITURAD ASTRA⁴

Вряд ли можно назвать человеческим жилищем дворец, где почти все стены были из обсидиана или нефрита. По каменным стенам струились символы и письма, напоминая водоросли, колышущиеся на песчаном дне бурливого ручья. С высоких потолков, украшенных черно-белой мозаикой, свешивались люстры, больше похожие на застывшие слезы. Люстры состояли из сотен свечей, но их никто никогда не зажигал. Вообще этот дворец напоминал странный и немного страшный музей. Такой музей мог бы быть у Смерти, если бы люди додумались всерьез сделать Смерть экспонатом для выставки.

Но для женщины, чье лицо чаще всего напоминало ртутно-серебряную маску, а глаза полны были светом, напоминавшим свет раскаленных звезд, обсидиановый дворец был родным домом. Местом отдыха, раздумий, решений.

А теперь этот дворец принадлежал еще и им. Правда, пока они этого совершенно не осознавали, поскольку были младенцами – слишком задумчивыми, некрикливыми и спокойными.

Младенцев в обсидиановый дворец привезла ртутнолицая женщина. В гостиной, где всегда царил полумрак и только пламя камина выглядело живым, ртутнолицую женщину, державшую на руках младенцев, встретила другая женщина. Ее лицо было вполне человеческим, разве что не по-женски жесткая складка залегла у красивых губ да еще волосы серебрились ранней сединой.

– Вот я и привезла их, Лариса, – сказала ртутнолицая женщина и аккуратно положила младенцев на мягкую низенькую софу. Седоволосая Лариса подошла и опустилась рядом с большим свертком на колени. Снизу вверх взглянула на ртутнолицую:

– Было трудно, Фрида?

– Относительно, – усмехнулась Фрида. – Нет, детей мне отдали даже без разговоров. Кому они нужны там. Сложнее было с их матерью. Она умерла.

– Разве она не была фламенгой?

– Не беспримесной. Но даже небеспримесная не могла бы умереть окончательно.

– Я знаю, – сказала седоволосая Лариса. – Признак фламенги – бессмертие.

– Неуничтожимость, – с улыбкой поправила Ларису Фрида. – Я попыталась воззвать к их матери, чтобы восстановить ее, но, похоже, она слишком глубоко распалась. К тому же ее тело сожгли, а смешение пламени фламенги с обычным пламенем всегда приводит к плохим последствиям. И у меня не было времени разбираться. С детьми на руках. Кстати, взгляни, Лариса! Ну разве малютки не прелесть!

Лариса аккуратно развернула сверток из нищенских больничных одеялец и пеленок. Распеленутые младенцы засучили ножками и недовольно пискнули. Лариса побледнела:

– Они... Сиамские близнецы! О господи!

– Тебя это пугает? Вызывает отвращение? – быстро спросила Фрида, глядя на седую женщину.

– Нет, – покачала головой Лариса, пристально рассматривая младенцев. – Мне жаль их. Они обречены на...

– На что, дорогая Лара? Ты смотришь на них и судишь о них с обычной позиции человека. А тебе пора бы забыть о том, что ты человек.

– Но они, – указала Лариса на детей. – Эти девочки – люди?

---

⁴ Так идут к звездам (лат.).

– Мне еще предстоит это узнать, – сказала Фрида. – Они родились от фламенги и человека. Чего в них будет больше... Это покажет время. А жалеть их не надо. Здесь они будут обеспечены всем. Будут расти, и любая их прихоть станет исполняться неукоснительно, как воля Всевышнего. Что же касается их так называемого уродства... Ты ведь, кажется, считаешь их уродцами? Отклонением от нормы? Молчи, я знаю, что считаешь. Но вот что я скажу, Лариса: что для обычного человеческого понятия – уродство, то для Истинного Сияния – символ великой силы. Эти девочки будут великими...

– Великими кем! – спросила Лариса.

– Кем – зависит от нас, моя дорогая подруга. А теперь скажи: разве не замечательно, что их двое и в то же время – одна? И ты, и я – мы так мечтали о дочерях.

– Ты мечтала о ребенке, Фрида?

– Допустим, мечтала. Иногда. Не перебивай. Мы с тобой очень разные, Лариса. Но в то же время – ты знаешь это – мы с тобой одно целое с тех пор, как я отыскала тебя в сумасшедшем доме и забрала к себе, сюда. Мы ведь тоже сиамские близнецы с тобой, Ларочка, меж нами такая крепкая связь...

– Разве, Фрида?

– А почему же я тогда тебя искала? Почему вытащила из лечебницы, где ты с твоей безумной писательницей медленно, но верно теряла человеческий облик и представляли, что совершили побег и заняты спасением морферов?

– Да, я была уверена, что вернулась в курортную зону «Дворянское гнездо», в руины. И там получила задание похитить Великие Камни у фламенг, чтобы восстановить Последовательность Видов.

– Вот-вот, – кивнула ртутнолицая. – Согласись, с такими галлюцинациями ты протянула бы недолго. Но вернемся к нашим младенцам.

Тут фламенга повела рукой в воздухе, и на ее серебряную ладонь ниоткуда мягко спланировала стопка белоснежных пеленок с кружевной оторочкой и два памперса.

– Сначала их надо искупать, – заявила Лариса. – Посмотри, у них на ручках опрелости!

– Ты наблюдательнее меня, Ларочка. Я хорошо сделала, что оставила тебе человеческие глаза... Что ж. Упомянутых опрелостей мы не можем допустить, – усмехнулась фламенга. Положила пеленки и памперсы на софу и снова повела рукой – теперь посреди гостиной стояла круглая фаянсовая ванна с пузырящейся, чуть пахнущей лавандой водой. – Итак, приступим к совместному купанию наших дочерей, Лариса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.